

Евгения • Кротова

ВЕРШИТЕЛИ

ТЕНЬ
ЧЕРНОБОГА

КомпасГид
издательский дом

Евгения Кротова
Вершители. Книга
3. Тень Чернобога
Серия «KompasFantasy»
Серия «Вершители», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68704764

Вершители. Кн. 3 : Тень Чернобога /Евгения Кротова; [авт. обл. Д.

Альжанар]. : КомпасГид; Москва; 2023

ISBN 978-5-00083-837-2

Аннотация

После долгих и трудных приключений Катя Мирошкина наконец-то возвращается к своим родителям в мир богов. Все опасности миновали, но девушке как никогда одиноко. С Ярушкой и Могиней пришлось расстаться, все вокруг чужое и непривычное, а родители не могут уделить Кате время: мама постоянно занята, а отец избегает ее. В попытке поговорить девушка случайно слышит, как родители спорят из-за нее: в своем долгом пути домой она оставила открытым проход в мир богов. Им воспользовался вор, который прокрался во дворец Велеса и украл важные дневники. Велес и Макошь думают, что их забрал приспешник византийского императора, поскольку государства

находятся на грани войны. Однако дневники затерялись в мире людей вместе с вором.

Катя вместе с Данияром – поводырем и защитником девушки – отправляется на поиски дневников, чтобы помочь отцу, но настоящий враг гораздо страшнее, чем византийский царь и возможная война между государствами. В своем новом испытании она встречает одного из высших богов, равного Велесу по силе и могуществу, – Чернобога. Он рассказывает девушке то, чем с ней никогда не делились родители, он манит ее семейной тайной и шансом узнать правду. Однако помыслы Чернобога не благородны: он хочет использовать Катю, чтобы получить свое. Сможет ли она противостоять такой силе? Как узнать правду в запутанном мире богов?

Евгения Кретова – победитель национальной литературной премии «Рукопись года – 2018» и лауреат Конкурса детской и юношеской прозы LiveLib 2018 – представляет читателю третью часть тетралогии «Вершители». Это книги о путешествиях во времени, удивительных приключениях, далеких странствиях и культурных артефактах, о которых, благодаря автору, вы узнаете гораздо больше. Вместе с героями книг вы посетите уникальные места нашей страны, увидите невероятную красоту природы России и погрузитесь в славянскую мифологию.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	17
Глава 2	36
Глава 3	52
Глава 4	79
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Евгения Кротова

Вершители. Книга

3. Тень Чернобога

Любые совпадения – часть художественного замысла автора.

Автор обложки Данияр Альжапар

© Кротова Е. В., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Предисловие

История – сложное полотно. Мы смотрим на него через призму своего настоящего, через зеркало своих знаний и привычек, через корпус первоисточников, дошедших до нас и свидетельствующих каждый о своем времени. Окунувшись сегодня в ту седую древность, о которой достоверно известно очень мало, мы соприкоснемся с артефактом, ставшим предметом заговоров и мистификаций.

Книга Велеса. До недавнего времени она считалась оригинальным текстом, вырезанным на деревянных дощечках славянскими волхвами-кудесниками, дошедшим до наших дней и хранящим тайны обрядов и традиций наших предков. В прошлом столетии рукопись стала предметом исследований и даже охоты. Но чем больше изучают ее ученые, тем больше сомнений вызывает этот документ.

Я расскажу вам свою, быть может, несколько фантастическую версию существования текста Велесовой книги. Но, чтобы понять все от начала до конца, нам придется пройти беспокойными дорогами средневековой Европы, наполненными разбойниками и колдунами, столкнуться с древнейшим на земле злом и увидеть предвестников того, что спустя несколько веков войдет в историю человечества под названием инквизиция.

Пролог

Он нервничал.

В назначенный час, едва лунный диск поднялся над горизонтом и вошел в зенит, он вышел на верхнюю балюстраду. Ветер дул с севера, обещая, но не принося измученной засухой почве прохладу. Оглянувшись через плечо, человек плотнее закутался в накидку и опустил капюшон на глаза. Только тогда спустился по каменной лестнице, тянувшейся вдоль башни к узкому плато, граничившему с обрывом. Внизу огромные черные волнорезы рассекали беспокойные волны, и соленые брызги оседали вуалью на лице и руках. Здесь всегда было пасмурно и влажно. Мужчина поежился. Коснулся переносицы и поправил капюшон.

– Я здесь, – проговорил в темноту.

От стены башни отделилась крылатая тень.

– Слушаю тебя, – низкий, почти утробный голос говорил тихо и снисходительно. Даже лениво. Мужчина под накидкой съежился, поправил защитный амулет на груди, повторив про себя молитву.

Тень, будто почувствовав это, усмехнулась. Вальяжно присела на камень и скрестила руки на груди.

– Я надеюсь, ты не собираешься молчать до утра?.. Мое время – полночь. Как только взойдет солнце, рассеется и твой вызов...

– Я готов пойти на сделку! – прошептал мужчина не дослушав. И повторил, сиюсь спрятать дрожь в голосе: – Я готов.

Тень кивнула:

– Хорошо. Понимаешь ли ты, что сделка предполагает оплату?

– Да, я готов на все, – мужчина нервно сглотнул. – Я... могу заложить свою душу.

– М-м-м, какая приятная неожиданность, правитель заранее готов даже на это, – тень явно забавлялась. Внимательно взглянув на собеседника, снисходительно кивнула: – Слушаю. Чего именно ты хочешь от меня?

Мужчина забеспокоился:

– А какова цена?

Тень задрожала от смеха:

– Ну ты же сам предложил свою душу...

Мужчина отшатнулся, порыв ветра ударил в лицо, сорвав капюшон – он едва успел поймать его рукой.

– Но я хочу знать... Оставишь ли ты мне после этого жизнь?

Тень задрожала:

– Не-е-ет, так дело не пойдет... Сперва говоришь ты, потом я... А впрочем... Да, жизнь я тебе сохраню.

Мужчина тяжело вздохнул:

– Дождь. Прошу об окончании засухи...

Тень усмехнулась.

– Как благородно... Неужели советник Флавий больше всего в жизни радуется о благополучии своих подданных?

При упоминании своего имени мужчина зашипел, боязливо огляделся:

– Тс-с-с... Я ведь просил: на условиях полной секретности...

– Да кто услышит нас здесь? Хотя ты прав, советник... Прости. Очень забавно наблюдать, как ты трусишь. Ладно, всё, больше ни слова.

– Так ты сделаешь?

Тень поймала несколько пенных брызг, растерла в ладонях.

– Почему бы и нет?.. Ты действуешь во благо народа, но на самом деле руководишься личными мотивами, надеясь получить большинство в Сенате и стать наконец императором, – тень плотоядно облизнулась. – Вкусное сочетание. Платить тоже будешь лично. Одной душой тут не обойдешься.

– Ч-ч-чем-то еще? Мы же договорились.

– Твоя просьба хлопотна, мне придется просить у кое-кого... Так что да, ты сделаешь еще кое-что. Мне нужен ключ от Раграда.

Флавий задумался: Раград – одна из резиденций русского царя. Оправив полы накидки, он плотнее запахнулся, пытается отгородиться от пронизывающего ветра.

– Могу ли я спросить, зачем тебе это?

– Можешь, но не факт, что я сочту возможным ответить...

– У тебя с Велесом личные счеты. – Флавий не спрашивал

– он констатировал факт. – У меня, знаешь ли, тоже.

Советник замолчал. Тень бросила взгляд на его лицо и, о чем-то догадавшись, довольно хмыкнула:

– Заранее предупрежу: два желания от одного смертного – верная дорога к вечному рабству твоей души и вечным мукам...

Флавий засомневался, но тень вдруг спохватилась:

– А знаешь, мне нравится эта идея: я забираю твою душу и взамен насылаю дождь; ты показываешь проход в резиденцию Велеса и за это наблюдаешь за его проблемами.

– Я скажу тебе, как пройти в Раград, – сказал советник, пристально разглядывая волны. – Много лет назад он рассказывал мне об этом, когда мы еще были дружны. У его жены есть несколько вещей, сделанных из одного куска Древа жизни, свадебный подарок. Каждая стала путевой отметкой. Одна из них – в кабинете царицы; через нее, если найдешь, попадешь в Раград незамеченным.

Тень смотрела на него с удивлением:

– Воистину, нет коварнее врага, чем бывший друг... Хорошо же. – Тень притворно вздохнула. – Я выполню твою просьбу, пошлю дождь твоим землям.

Она расправила крылья, развернулась.

– Стой! – Флавий, забыв об осторожности, шагнул за ней, попытался удержать – пальцы обожгло, будто он схватился

за горячие угли, а в руках осталось только распадающееся облако. Тень остановилась. – Вот что... – вздохнула фигура в плаще. – Когда будешь в Раграде, заведи у Велеса одну безделицу... Я скажу, как найти ее.

– Зачем она мне?

– Если ты действительно хочешь его уничтожить, то нужна.

Тень снова развернулась и замерла в ожидании:

– Надо же, как интересно. Слушаю!

Мужчина в накидке говорил быстро, часто сбивался и возвращался вновь к сказанному. Крылатая тень терпеливо слушала, молчала, разглядывая собеседника так, будто только что увидела впервые, и кривая ухмылка медленно расцветала у нее на губах.

– Ты принесешь эту вещь мне, – подытожил Флавий, – и тогда получишь от Велеса то, что тебе нужно.

– Как я понимаю, мы оба хотим, чтобы от русского царя не осталось и воспоминания. Что ж. Мне нравится твое предложение, оно даже лучше того, что мог придумать я.

* * *

Пустая неприбранная квартира. Запах несвежей посуды из раковины. Общий вид покинутости. Он легко нашел это место: шел по следам угловатого парня со странной кличкой Шкода, как-то связанного с самой черной волшбой. По

стенам медленно проплывали блики фар проезжавших мимо машин. Ночь уже расстилалась над городом и открыла ему двери. Не сказать, что она была ему рада здесь, в мире людей, но впустила в свои владения. Терпеливо замерла, пристально следя за тем, что он делает. А он спрыгнул с подоконника – если бы кто-то из живых находился рядом, то заметил бы лишь тень, плотную, будто заполненную самой ночью, призрачную, живую. То, что он искал, находилось в центре кухонного стола. Незнакомец усмехнулся, все еще не веря в свою счастливую звезду.

– Не обманул!

Удивление и предвкушение удачи переполняли его. Он так долго этого ждал, так долго искал. И определенно этого заслужил. Он провел рукой над столом, заставив проявиться то, что когда-то стояло на нем. В бело-лунном свете проступили очертания небольшой деревянной шкатулки. Геометрический узор на крышке, черточки, точки и скромный замок. Крышка откинута, словно приглашая шагнуть внутрь.

– Сегодня удача на моей стороне, – пробормотал он.

Взглянув на круглый лунный диск, не раздумывая больше ни минуты, нырнул внутрь шкатулки. Гладкие деревянные стены. Он поднял голову, запоминая, как он сюда попал, и поманил пальцем крышку – он не допустит такой оплошности, как наивная девчонка, поэтому, только дождавшись, когда щелкнет магический замок шкатулки, направился к двери и толкнул ее от себя.

Здесь было темно и сыро. Стоило ему сделать несколько шагов, как из глубины послышался звериный рев, мелькнули в темноте чьи-то голодные глаза. Тяжелая поступь и злобное дыхание оказались совсем близко.

– Сгинь, – спокойно приказал зверю.

И тут же выбросил руку вперед, выпустив с кончиков пальцев, будто цепного пса, черный морок – тот стремительно заполнил коридор, затопил его до потолка. Зверь, учуяв опасность, отступил. Заскулил, забившись в дальний угол. Мужчина удовлетворенно кивнул, подобрал струившийся морок и намотал на руку, будто аркан. Лишь тонкий хвост змеей волочился по каменному полу, оставляя за собой выжженный след.

Несколько шагов по коридору. Он шел скорее интуитивно, ожидая увидеть и считать нужные знаки. За ним, отрываясь от фигуры черными призрачными языками, струилась тьма. И вот дверь с вырезанным грифоном.

Мужчина презрительно фыркнул:

– Определенно, мне сюда, – легко толкнул ее и оказался в залитой лунным светом комнате.

Все идет по плану: через дверцу шкафа он проник во дворец русского царя, а вернее, в кабинет его жены. Осмотревшись, он заметил светлую мебель, легкую и изящную, изумрудные портьеры. В центре ковер – незнакомец осторожно обошел его, стараясь не наступить на яркий и будто живой узор: он расцвечал у него на глазах, цветы поворачивали

упругие головки и шевелили лепестками, словно призрачными руками. Чужая для него волшба. Ее лучше не касаться.

Мужчина прошел вдоль стены, толкнул дверь кабинета и выскользнул наружу. Лунный свет бродил здесь по стенам, освещал ярко длинный коридор, даря четкие и глубокие тени. Непрошенный гость усмехнулся. Полночь – его время. Тени на стенах – его слуги.

В руку метнулся невесть откуда взявшийся крошечный лилово-черный шар. Спрыгнув под ноги гостю, он бойко отскочил от стены, покатился вперед, оставляя за собой амethystовый след и едва уловимый серный запах. Мужчина воровато огляделся, шагнул за шаром и почти сразу оказался в изумрудно-зеленой галерее: бархатные, будто покрытые зеленым мхом стены, шелковистая гладь ковра. Еще шаг, и вот он уже оказался в дремучем лесу.

Человек победно улыбнулся. Тихое уханье совы, шелест ночного зверья наполняли всё вокруг, а прямо перед ним выросла древняя лестница, стоило лишь упомянуть имя владельца кабинета. Лилово-черный шар остановился у нижней ступени и прыгнул в ладонь мужчине – одним движением тот сунул его во внутренний карман. Оглянулся на лунный диск – тот спрятался за надвигающимися тучами. Оставалось совсем мало времени, чтобы завершить начатое.

Мужчина бросил под ноги дорожку из черного морока, осторожно ступил на лестницу. Поднявшись по ступеням, огляделся по сторонам: никого. Полночь провела его в са-

мое сердце дома давнего соперника. Беспечность – глупость королей. За нее во все времена приходится расплачиваться коронами и головами. Он толкнул темную дубовую дверь – заперто.

Хвост змеи из черного морока проскользнул в замочную скважину. Мгновение, и незнакомец услышал, как пал засов.

– Я разочарован, – с презрительной улыбкой он проскользнул через распахнувшуюся дверь. Но отказать себе в удовольствии посмотреть на «самый охраняемый» кабинет не смог – окинул взглядом темное массивное убранство, хмыкнул: всё как он и ожидал – пафосно, уныло и безлико.

В углах шевелился темный морок – последний бастион защиты ощерился, почувствовав непрошеного гостя. По периметру кабинета за клубилась, поднимаясь в полный рост, серая тьма, но чужак легко бросил в нее черный аркан, который все еще держал наготове. И тут же черный морок сплелся клубком с окутывающей кабинет тьмой.

Опасение, что хозяин кабинета может почувствовать вторжение, зашевелилось в груди. Мужчина посмотрел в окно – тучи все еще скрывали луну, даря ему дополнительные мгновения крошечной тьмы.

«Я успею быстрее». Он торопливо прошел к большому глобусу, положил на него руку. Короткое заклинание заставило тайник резко распасться на две части. Ночной гость потянулся за тем, что находилось внутри, но тут же отдернул руку – на запястье осталась выжженная метка в форме мед-

вежью лапы. Незнакомец провел над ней ладонью левой руки, присыпая рану, будто солью, черным мороком.

Подхватив с кресла оставленную хозяином кабинета рыжую замшевую сумку, человек небрежно вытряхнул ее содержимое на пол и, надев на руки перчатки из черного морока, выгреб из чрева глобуса все, что там было, и сунул в пустую сумку. Окинув взглядом кабинет, он торопливо направился к выходу. Черный морок спешил за ним, скручиваясь ковром и слизывая следы своего владельца в этом чудном дворце.

Снова светлый кабинет с живым цветочным ковром и дверца платяного шкафа. Тягучая тишина струилась за ним, словно раскрываясь под взмахами черных крыльев. Одно движение, и неизвестный снова оказался в неприбранной кухне. Взмахнув черным мороком, он растаял за мгновение до того, как плоских крыш города коснулся розовый солнечный луч, возвестив о наступлении утра.

Глава 1

Раград

Несколькими неделями позднее

Русское царство, Раград, летняя резиденция Велеса

Тишина. Ее снова окружает та самая тягучая тишина. Душный переход внутри темного морока. Высокие, но давящие своды. По стенам бесшумно стекает многоликий поток тумана, клубясь у основания и сворачиваясь в замысловатые фигуры. Она неспешно шагает по этому бескрайнему дымчатому морю, ведомая одной лишь мыслью, что надо шагать вперед – и там встретит она свою судьбу и предназначение. Но идти с каждым шагом становится все труднее: сизый туман проникает в каждую клеточку ее уставшего и напряженного тела, забивается в легкие, из-за чего дышать становится всё тяжелее, липкая испарина выступает на лбу. Немного подташнивает. Преследует мысль, что она упускает что-то важное. Что этот кошмар не закончится никогда, до тех пор пока она это важное не обнаружит и не усвоит.

Прореха в плотном тумане. Сквозь нее видна четко очерченная дорожная разметка. Остановилась и прислушалась, как и всегда в этом месте. Только еле слышный шелест вязкого тумана. И вдруг тихий шорох сменился торжественны-

ми песнопениями, едва слышным смехом людей, потом голосами, уже более отчетливо звучащими. Их гул нарастает, тембр и тональность меняются, и вот становится ясно, что это крики и ругань толпы, взрывы, гул моторов, стрельба, мольбы о помощи тысяч и тысяч человек.

Гул нарастает, бьет по грудной клетке, давит и оглушает. Не в силах больше терпеть, она закрывает уши руками, падает на колени и кричит. И тут происходит что-то из ряда вон выходящее: вместе с сотнями голосов до нее начинают доходить запахи. Ароматы горькой полыни и придорожной ромашки тонким шлейфом окутывают ее. Их сменяет запах дождя, в узком коридоре от него становится свежо и прохладно.

Она распрямляет плечи, готовая улыбнуться приятному ветерку, но к нежному аромату свежести примешивается что-то еще – противное и липкое, тяжелое и въедливое. Это зловоние подкрадывается, постепенно окружает ее, проникает под кожу, все сильнее сдавливая горло. И вот ей уже нечем дышать. Бессильными руками пытается она сбросить наваждение, разгоняя мутную мглу вокруг, царапает кожу, пытаясь освободить горло от тяжелых тисков.

– Не надо! – кричит она не своим голосом.

Тишина. Ужасные запахи отступают, позволяя распрямить плечи. И тут – оглушительный взрыв. Где-то совсем рядом, ударяя по барабанным перепонкам. Скрежет металла, крики людей. Она падает, всем телом ощущая, как на нее

сыплется тяжелыми комьями сырая земля. Беззвучно хватается воздух, но вдыхает лишь запах смерти и смрад. И этот запах, впечатывающийся в ее мозг, – сладковато-приторный, с мерзким железным привкусом, оседающим на языке. Запах крови. Она поняла это внезапно. Ахнув, прикрыла рот, чтобы сдержать рвотные позывы, дернулась в сторону, ударила плечом о стену и...

Очнулась.

Приятный полумрак спальни. Мягкая бархатистая простыня, пушистое одеяло, ворох подушек разбросан по темному ковру. Комната большая, со стенами, обитыми серо-голубым шелком с трогательными цветами черемухи. У противоположной от кровати стены – широкий письменный стол, придвинутый к нему вплотную стул и могучее кресло с высокой спинкой, на котором аккуратно разложено ученическое платье: синий бархат с ярко-алой отделкой темнеет в лунном свете. В узкий отложной воротничок из византийского кружева вставлена тонкая серебряная игла – такой вид отцовский посох приобрел не так давно и наотрез отказывался выглядеть иначе. Большое круглое окно слегка приоткрыто, впуская внутрь комнаты аромат ночных трав и свежесть ветров. Где-то вдалеке началась гроза: небо над горизонтом окрасилось огненными всполохами, и через занавески врывается приглушенный расстоянием гром.

– Раз, два, три, четыре, пять... двенадцать, – Катя посчитала секунды между всполохами и раскатами грома. Четыре

километра¹. Значит, гроза началась за рекой.

Она села, еще не окончательно придя в себя после ночного кошмара, с силой обняла колени, уперлась в них острым подбородком. Глянула на часы: четыре пятнадцать. Как обычно. Ее еще слегка мутило, руки дрожали, волосы прилипли к вспотевшему лбу. Она неловко мотнула головой, сбрасывая прядь с лица, и, ежась, передернула плечами.

Это видение преследует ее во сне с того самого дня, когда она, оставив позади Аякчаану с ее дедом-шаманом и Каменных людей, взмахнула отцовским посохом и открыла переход.

Катя была уверена, что уж в этот раз дойдет до конца и никто не собьет ее с маршрута. Поэтому она решила идти нарочито уверенно и не торопиться, предвкушая, как совсем скоро обнимет свою маму, познакомится с отцом и домом. Ей казалось, что, оказавшись среди родных, она быстрее вспомнит всё. Подумав об этом, она не выдержала и помчалась по сумрачному коридору. И не сразу заметила, что что-то пошло опять не так. Это не привычный для нее переход: он был узок, как кроличья нора, темен, как ночной город, по стенам его струились белый, серый и черный дымы, смешиваясь и ослабевая от этого. Звуки и запахи сюда не проникали. Только сизый туман.

¹ Чтобы определить расстояние до грозы в километрах, после вспышки молнии нужно посчитать количество секунд до тех пор, пока не ударит гром, и разделить полученное число на три. Катя насчитала 12 секунд. Разделив их на три, она узнала, что непогода бушует в 4 километрах от нее.

Катя остановилась, не зная, попала ли она в очередную ловушку. Так она стояла, прислушиваясь к тишине. Тут-то и стали происходить с ней загадочные вещи: внутри этого лаза – иначе его и не назовешь – Катя услышала шорохи, до нее стали доноситься оттенки незнакомых ароматов, фрагменты слов на неизвестном языке, обрывки неразборчивых фраз. То ближе, то совсем далеко. Будто кто-то невидимый, огромный и опасный почему-то отдалялся от нее, а потом приближался, да так близко, что касался кончиков волос. Катя почему-то вспомнила о чудище, что пряталось в сундуке Могини, и настолько испугалась, что с диким криком бросилась вперед. Через мгновение она вырвалась из серой пелены и буквально вывалилась на руки встревоженной матери.

Все тогда кончилось хорошо. И все бы ничего – показалось, померещилось, темным мороком навеяло, – но каждый раз, стоило ей сомкнуть глаза, она оказывалась в том самом переходе, снова и снова переживая случившийся кошмар. Только каждый раз – с новыми, неведомыми подробностями. Будто кто-то специально показал ей это место, чтобы раз за разом приводить в него вновь и раскрывать его тайны.

Однажды ей удалось рассмотреть туман, и она поняла, что он не сизый, а состоит из разных, довольно узких языков белой, темной и черной хмари. Потом она смогла разглядеть пол: ровные квадратики черных, будто обсидиановых плит. Постепенно – разобрать голоса и запахи. Выделить в общей какофонии что-то знакомое. И наконец ей стало ясно, что в

том коридоре не было никого, кроме нее, никакого чудовища. Катя была одна вместе со своим страхом. И еще крохотный лучик света мерцал впереди.

Всякий раз во сне достичь его представлялось наивысшей наградой. Но... Как она ни старалась, не могла до него дотянуться. И оттого каждый раз девочка просыпалась в холодном поту из-за ощущения физического, неотвратимого страха. Как-то мама застала ее утром – всклокоченную, испуганную и растерянную. Она зашла, чтобы передать ей книгу.

– Что с тобой? – спросила, потрогав ее лоб. – Не заболела?

Вздыхнув, Катя рассказала все по порядку. Мама хмурилась, слушая, но не перебивала.

– Похоже на коридор времен, – сообщила Мирослава. – Посох хочет тебе что-то рассказать, научить чему-то.

– Но чему? Что это за коридор такой? – Катя никак не могла понять. Ничего, кроме страха и отвращения, она не испытывала.

– Место, где смыкаются времена, конечно, – улыбнулась мама. Ласково дотронувшись до щеки дочери, она посоветовала: – Просто смотри внимательнее и запоминай. Когда наступит время, ты поймешь, о чем предупреждает посох.

И Катя которую ночь подряд следовала этому совету, пока сегодня не случился прорыв: в прежнее воспоминание ворвалось то, что она наконец смогла распознать! Это были звуки, запахи и ощущения, не отдаленные и призрачные, а разборчивые, те, которые уже можно было оценить и понять.

Еще в сегодняшнем сне Катя явно слышала звуки битв, каких-то сражений. Появилось ощущение – девочка не знала пока, насколько оно верное, – что она шла сквозь времена, мирные и не очень, сквозь войны, голод, страдания и лишения тысяч людей. Конечно, это в самом деле могло быть коридором времен.

Тогда становилось понятно, чему хочет научить ее посох: слышать, чувствовать, наблюдать. Но более всего ее беспокоил финал сегодняшнего кошмара, этот сладковато-горький дух, запах крови, человеческих страданий и лишений, такой тяжелый и липкий. Казалось, он навсегда запомнился ей, этот странный запах – и острое желание дойти до светлого огонька впереди.

Катя вздохнула, спустила ноги с кровати, почесала босые ступни о мягкий шелковистый ворс ковра и встала. Спать больше не хотелось. Сегодня она опять весь день будет клевать носом и зевать, раздражая своей рассеянностью волхва, приставленного к ней в учителя.

– Ну и пусть, – кивнула она сама себе и хлопнула в ладоши – над ее головой загорелся полупрозрачный голубой шар.

Он почти не добавил света в эти предрассветные часы, но его оказалось достаточно, чтобы найти то, ради чего он и был зажжен, – овальное колечко с четырьмя камушками. «Мы теперь никогда не перестанем дружить, – словно услышала она голос Енисеи. – Камни – это мы: Ярушка, умница и затейница, – бирюза; Истр, владетель водных пучин, – аквамарин;

Олеб, защитник лесов и зверей, – изумруд; и я – лазурит... Пока с нами все в порядке – камни будут такого цвета». При неверном огне светозара камни казались живыми потусторонними существами. В глубине их Катя научилась видеть образы своих друзей. Вот Истр куда-то торопится, Ярушка хмурится, взирая на Луну. Енисея светится радостью. Рядом с ней Олеб. Жизнь друзей идет своим чередом, хоть время и разделило их.

– Так оно и должно быть, так и правильно, – снова сама себе пробормотала Катя, задумчиво погладила кольцо, вглядываясь в мерцание камней, и надела на указательный палец.

Шар над головой медленно потух. Девочка подошла к окну и открыла его. На нее хлынул поток прохладного воздуха, заполняя легкие, словно проникая в мысли и выгоняя из них воспоминания о недавнем кошмаре. Тяжело вздохнув, Катя залезла на широкий подоконник, подобрала под себя ноги, устраиваясь поудобнее, и стала разглядывать спящий город у подножия каменной гряды: над ним лениво поблескивали огни неведомых Кате механизмов.

Родительская резиденция, Раград, была выточена в скале. Бесконечные улочки, переходы и подвесные мосты. Заостренные шпили пяти внешних бастионов подпирали ярко-синий шелк небесного свода. Вершины башен, сейчас освещенные луной и уже загорающимся за горизонтом рассветом, словно парили над долиной, а их массивные основания тонули в чернильной мгле, и казалось, что они родились пря-

мо из глубин черного морока, хоть и стремятся к чистоте звезд.

Кате представлялось, что и она, и остроносые башни плывут по звездному небу и нет ничего во всей Вселенной, кроме нее и этих башен, которые древнее самого времени. Она вздохнула и взглянула дальше, за городскую стену. За ней, на склоне горы, темнела равнина. Вдалеке искрились огни не засыпающего ни на минуту Московского тракта – неведомые Кате аппараты мчались по нему, рассекая утреннюю прохладу.

Катя опять вздохнула: она еще так мало знает об этом мире. Девочка покосилась на свое ученическое платье. Кажется, прошлая жизнь тоже стала сном. Много лет назад, еще ребенком, она жила в этом мире, он был тогда ей родным и понятным. Тогда был, да. Как сделать его своим сейчас, когда она не представляет себя без городского шума за окном, без супермаркета на перекрестке, в котором продаются вкусные, но невыносимо вредные вафли? Однажды она купила пару пачек – впрок, – но мама задерживалась на работе, и она со скуки съела обе пачки. А потом у нее всю ночь болел живот. И мама хотела везти ее в больницу и делать промывание желудка.

А сейчас она никак не могла избавиться от ощущения, что она здесь чужая, что приехала она в далекую страну на каникулы и вот-вот ей надо собирать чемоданы и возвращаться. Огромные залы, коридоры, переходы и балюстрады пуга-

ли Катю. Она терялась в них, чувствовала себя ничтожным червяком.

Иногда часами бродила в поисках нужной двери или лестницы, прислушиваясь к работающим механизмам и надеясь встретить хоть одно человеческое лицо – словно пряча от всего света, ее поселили в самой безлюдной части здания. Катя с горечью отметила, что долго не могла запомнить дорогу в мамину комнату, хотя, казалось бы, что может быть проще, ведь они расположены на одном этаже...

Она любила бывать в библиотеке – здесь все выглядело привычно: тысячи книг с потемневшими от времени корешками, стеклянные шары, кристаллы, смысла которых она пока не знала, но с интересом наблюдала, как свет преломляется в их глубине, открывая тайны, которые она пока не могла прочесть.

При этом высоченные потолки уставленной бесконечными полками и стеллажами с книгами, кристаллами, папирусами и дощечками библиотеки, где у нее проходили уроки, вызывали чувство непреодолимой тоски: было ужасно горько от мысли, что она никогда не перечитает и сотой доли того, что тут хранится, даже если перестанет есть и пить до конца своих дней и будет все время проводить здесь.

Волхв Митр – практически единственный человек, с которым Кате удавалось поговорить. Хотя насчет «поговорить» он был не очень подходящим и совсем не таким доброжелательным, как, например, Стар. Митр всегда сухо приветство-

вал свою ученицу, строго спрашивал урок. Если она плохо отвечала, задавал его повторно, и так до тех пор, пока Катя не отвечала блестяще. Только тогда он рассказывал что-то еще. Снимал с полки еще один толстый фолиант, от одного вида которого у Кати захватывало дух, отмечал нужные места для заучивания. На этом урок заканчивался, а старец, холодно попрощавшись, удалялся.

История, география, родной язык, математика, химия, физика, естествознание и биология – все смешалось в один бесконечный цикл: зубрежка – ответ – новая зубрежка. И так без конца. День за днем. Неделя за неделей. Хоть Катя и радовалась книгам, но не о том она мечтала, надеясь на встречу с родными.

– Да уж, – мысль о близких вогнала ее в еще большую тоску: она по-прежнему почти не видела маму, едва ли несколькими словами перемолвилась с отцом. О сестре упоминалось с каким-то смятением, что она «где-то в другом месте». Вот и вся родня. Катя изнывала от тоски и скуки. Встав с подоконника, она подошла к столу, на котором лежала невзрачная книга в переплете из толстой, грубо обработанной кожи, открытая посередине. Листы фолианта были придавлены статуэткой из лунного камня: русалка на утесе, волны плещутся у рыбьего хвоста. Вид у морской красавицы был величественный и задумчивый.

Катя провела пальцем по темным строкам, рассеянно погладила рисунок. Сегодня ей предстояло отвечать наибо-

лее длинный отрывок из «Истории» Геродота. Пожелтевшие страницы открыты на нужном месте: скифы, сарматы, сколоты... Зачем учить все наизусть, если главную мысль отца-основателя науки истории можно сформулировать в одно предложение: «Скифы, сколоты, сарматы, венды, веныды... все суть один народ, и имя ему славяне»? Она же уже третий день учит, как племена воевали друг с другом, изощренно убивая соседей и неся о соперниках полную околесицу. В тактике ведения войн, судя по всему, за тысячи лет ничего не изменилось.

И в человеческих отношениях тоже.

– Я ее уже целую неделю вижу только мельком за завтраком, – простила Катя вслух, думая о маме, конечно.

Они действительно стали очень мало видеться, а разговаривать и того меньше. При встрече в дворцовых коридорах ей иногда удавалось поймать ее улыбку, но рядом всегда был кто-то чужой, и не получалось даже обняться по-человечески. И Катя неистово тосковала. И ревновала к отцу. Хотя, конечно, даже под страхом смерти не призналась бы себе в этом. Отец в туманных детских воспоминаниях представлялся ей неким героем-небожителем: сильным, высоким, со звучным бархатистым голосом и ярко-голубыми глазами, в которых всегда искрились лукавые лучики, лишь стоило ему на нее взглянуть. Она помнила, что он ее очень любит.

Помнила, да... И не уставала себе это повторять изо дня в день. Он ее любит... Любит?

Но сколько себе ни повторяй как молитву одно и то же, глаза видят, уши слышат, душа чувствует... отчуждение. За все время, что она находилась в Раграде, Велес ни разу не посмотрел на нее так, как тогда, в детстве. Катя ни разу не поймала на себе даже тень той далекой улыбки. Даже в момент встречи он обнял ее, едва похлопав по плечу. Как чужую...

Чужая. Точно, это именно то слово, которое она все стеснялась себе сказать, прогоняя прочь даже его тень. Оказавшись здесь, она лишилась всего, к чему привыкла, чем дорожила и что составляло ее мир, но, похоже, так ничего и не приобрела взамен. И мама не та. У нее масса дел помимо нее, Кати. Больше нет вечерних посиделок, чаепитий, нет болтовни обо всем на свете. Они больше не лучшие друзья. А ведь она, Катя, еще ждет объяснений, что произошло тогда, в далеком детстве. Почему ее, двухлетнего несмышленишка, вырвали из привычной жизни, из родного дома, и заперли в другом мире, внушив, что у нее никого, кроме мамы, нет? Отчего все эти годы никто из близких с ней не связывался, не оставлял весточку?

Катя посмотрела на часы – это было нечто среднее между песочными часами и пробиркой для опытов: светящийся песок струился из верхней чаши в нижнюю, заполняя ее, а на боку стеклянной колбы серебрились отметки, указывающие на время. Сейчас магический песок застыл, едва не добравшись до цифры 7. Время, когда мама уже вставала и готова

была выйти, чтобы провести первые совещания с министрами.

Решение пришло внезапно. Вот прямо сейчас, пока та не покинула свою половину, Катя пойдет к ней, поговорит, расскажет о грызущей тоске, об одиночестве, о том, что ей плохо здесь и она ничего не понимает. Они обнимутся, и все будет так, как прежде. Ведь мама всегда учила, что проблему нельзя откладывать, ее надо решать.

Катя на ходу накинула халат и, уже выскакивая из комнаты, схватила тужельки а-ля Шахерезада, прижала к груди, чтобы надеть на пороге маминой спальни и не шуметь каблучками по гулким коридорам пустынного дворца. Стоило ей дернуть ручку двери, как над головой мгновенно засиял бледно-голубой шар, ярко освещая погруженный в ночной мрак коридор.

– Чуть-чуть свети, – приказала Катя. Чтобы никому не попасться на глаза, она специально сделала его как можно более незаметным. Девочка выскользнула из комнаты, пробежала до поворота, нырнула направо, под низкую арку, которая вела в «царскую» часть дворца, выскочила в широкий коридор, обрамленный нефритовой колоннадой. Замерла: теперь надо быть внимательнее – вход в мамину спальню после двадцать седьмой колонны, налево.

Катя осторожно прошла вперед, дотрагиваясь рукой до колонн, чтобы не сбиться со счета.

– Двадцать семь! – сердце забилося сильнее.

Она свернула за нужную колонну. Едва переведя дыхание, приоткрыла дверь и оказалась в еще одном коридоре. Через небольшие круглые окна проникал бледный утренний свет, оттого картины в строгих рамах казались мрачными. С портретов смотрели хмурые лица, которые, казалось, не одобряли опрометчивости девочки.

– Ну и пусть, – пробормотала она, бросив на них суровый взгляд.

Босые ноги ступили на мягкий красно-золотой ковер, на котором солнце и луна плели бесконечное кружево затейливого узора. Катя прошла еще несколько метров и остановилась напротив занавешенной тяжелыми золотыми портьерами двери. Сердце неистово билось, будто в ожидании невероятного счастья. Или строгого приговора.

Только сейчас, дойдя до финальной точки своего смелого путешествия, она поняла, что встреча с мамой для нее – как проверка на прочность, проверка их прежней дружбы. Как она ее сейчас встретит? Отругает или обнимет? Закусив губу, Катя протянула руку к золотому вензелю ручки и решительно толкнула ее от себя. Та поддалась с трудом, приоткрыв лишь узкую щель и выпустив часть разговора, происходившего внутри.

Два голоса. Женский – мамин, встревоженный, хоть и сдержанный. И мужской. Катя не сразу его узнала.

– Посланник верховного вече теперь требует объяснений, – говорил мужчина. Отец. – Они почувствовали по-

движки, история начала меняться. И всё из-за нас: такую сильную вещь оставили без присмотра, в руках ребенка неразумного... А она и есть неразумная – она же ничего про наш мир не знает, вон Митр докладывает об ее успехах на поприще изучения обычных наук...

– Лушенька, был ли выход у нас? – вздыхала Мирослава. И добавила совсем севшим голосом: – Хотя нет, не о том я. С нас никто оправданий не спросит, с нас за ошибку спросят. Тут ты прав.

Шелест шелка то приближался, то отдалялся: кто-то из них ходил взад и вперед по комнате.

– Ты подумай, свет мой, подумай только, что произошло из-за этого недосмотра и каковы теперь будут последствия, – продолжал отец. – В прошлое попала реликвия, которая может поменять, да что там – уже меняет! – настоящее. – Он подошел совсем близко к двери, Кате было слышно, как отец вздохнул и продолжил: – Вот говоришь ты, что дочь спасали. Хорошо, спасли. Да только незнанием своим она нас скорее погубила.

Катя насторожилась, вслушиваясь. Кажется, говорили о ней?

Мать порывисто вздохнула, но спорить не стала; у Кати снова упало сердце. Отец говорил сурово. Шелест шелка, приглушенный звук шагов – это он ходил по комнате, метался, будто загнанный зверь.

– Это мы не обучили ее осторожности, не вложили в голо-

ву знания. – Отец продолжал еще более сурово, будто приговор произносил. – И получается, что дочь нечаянно оставила открытым переход, в который теперь проник неизвестный и похитил мои дневники... И ладно бы это были просто дневники, государевы думки-задумки, стишки-потешки... Случился бы скандал, да и всё. А здесь, Мирослава, ты же сама знаешь, что я вносил в них. Окажись они в неправильных руках – камня на камне не останется ни в нашем мире, ни в иных.

– Ты имеешь в виду звенигор?

Катя задумалась. Может, родители говорили о ее сестре Неделе? Скорее всего, она тоже где-то воспитывалась и в чем-то накуролесила.

На мамин вопрос отец промолчал. «Что за звенигор, интересно?» – отметила про себя Катя, решив, что непременно узнает об этом в библиотеке.

– Сколько у тебя вещей из Древа жизни осталось?

– Шкатулка – раз, осталась в Красноярске. – Катя нахмурилась: о какой шкатулке речь? Если о шкатулке темного дерева, то она здесь, в Раграде, в комнате. Какая же тогда, интересно, осталась в Красноярске? Мама между тем продолжала: – Сундук – два, у Могини был, изрублен джунгарами. Шкаф – три, вот он стоит. Да еще кулон. Но ты сам знаешь, у кого он... – Мама заговорила тише: – Лушенька, друг мой, ты точно уверен, что дневники похищены?

– Да что ты в самом деле, Мирослава! Какие уж тут шутки.

– Ну хорошо, хорошо, не смотри на меня так... Допустим! Допустим, что так! А с чего мы взяли, что причина – переход, оставленный Катей?

Катя вздрогнула. Сердце сжалось. Кажется, она даже слышала, как оно разбилось на осколки, словно стеклянный елочный шарик, упавший на пол. Выходит, все-таки речь о ней? Это она что-то натворила?! Девочка затаила дыхание, вслушиваясь в разговор.

– Древнее волхвование оставляет приметный след, ты знаешь, – продолжил отец после минутной паузы, показавшейся Кате вечностью, – и его ни с чем не спутаешь... А шкатулка – это вообще особый предмет. Нет, волшба здесь ни при чем. Вор проник через шкатулку, оставленную там, в Красноярске. Это совершенно точно. Он откуда-то знал о ней, знал, что связана она с твоими покоями здесь, в Раграде, и стремился именно сюда.

Катя ничего не понимала – шкатулку она держала у себя в комнате, здесь, во дворце. Ни в каком Красноярске она не оставалась. Она забрала ее с собой еще тогда, когда убегала от Шкоды, Афросия и Антона.

– Надо найти вора и вернуть дневники, – пробормотала Мирослава, – по крайней мере ту их часть, которая представляет наибольшую опасность для нас... Про звенигор.

– Я буду снова думать, как нам это лучше сделать, свет мой, – за дверью послышалось движение, Катя отпрянула от нее и бросилась назад по коридору, между колонн, стремглав

– в свою комнату.

Лишь только за ней захлопнулась дверь, она выронила из дрожавших рук так и не понадобившиеся туфельки, которые со стуком упали на ковер. Сердце, кажется, перестало биться, а в голове, мгновение назад мучившейся от безделья и активно плодившей мысли о покинутости и одиночестве, прояснилось до прозрачности.

Все стало на свои места.

Она не чужая. Она неразумная. Причина отчуждения отца и занятости мамы – не этот мир сам по себе, не новые обстоятельства, а ее, Катина, ошибка. Ошибка, совершенная случайно, по незнанию, – ее никто и не обвиняет в этом, ее берегут от чувства вины. Но все же ошибка страшная, с самыми ужасными последствиями – Катя уже рисовала в мыслях глобальный апокалипсис. Ее родители – правители в этом мире, и теперь что-то явно меняется не в лучшую сторону, если они сказали, что вече обнаружило изменение истории. Тонкая серебряная игла в воротнике ослепительно полыхнула и погасла, словно подтверждая верность Катиных мыслей. Но как? Как шкатулка темного дерева могла оказаться одновременно и здесь и там?

Глава 2

Пропажа

Оставшееся утро Катя металась по комнате. Около девяти к ней заглянула горничная Фотина – смешливая девчонка с россыпью больших веснушек на носу и щеках, копной вьющихся мелким бесом волос, которые она старательно приглаживала и заплетала в тугие косы, стараясь выглядеть старше и серьезнее. Хотя больше всего она напоминала солнечный зайчик – собственно, Катя ее так и звала, про себя, конечно.

Увидев, что царевна не спит, Фотина решительно распахнула двери и прошествовала мимо Кати с круглым подносом, на котором опасно покачивались стеклянная бутылочка с молоком и белая фарфоровая кружка. Рядом с ними, прикрытые крахмаленной салфеткой, лежали ломтики свежего хлеба с хрусткой и румяной корочкой и небольшая, с кулак, головка желтого как янтарь сыра. Придавливая угол салфетки, посреди подноса красовалось большое, словно из сказки о Спящей красавице, румяное яблоко, а возле него – серебряный ножичек с ручкой из костяного фарфора.

– Доброе утро, ваше высочество, – важно произнесла Фотина голосом первой статс-дамы. – Ваш завтрак прибыл. Расписание на сегодня наставник Митр передаст после трапезы. Ваш урок назначен на полдень. После него вам дозволено

поработать в библиотеке до вечерней зари...

Катю рассмешило это «дозволено поработать»: смешно и само по себе, а в исполнении нарочито серьезной рыжей и непоседливой девчонки – так вообще умереть со смеху. Катя дождалась, пока горничная поставит поднос на маленький столик и развернется к выходу, и ловко оказалась прямо перед ней.

– Еще раз скажешь «высочество» – дам в нос, – и для верности покрутила кулачком у ее лица.

Фотина вытаращила глаза, похлопала пушистыми ресницами, прошептала:

– Ой, боязно. Заругают меня... А как звать прикажете тогда?

– Не «прикажете», а «прикажешь», – Катя легко позволила поймать себя в ловушку, нахмурилась и тут же исправилась: – «Скажешь»... Короче, я тебе не хозяйка и не госпожа, поняла?

Яркая девчушка подобрала широкую юбку, юркнув под Катиным локтем к двери.

– Ну, скажем, ни хозяйкой, ни госпожой ты мне и вправду не являешься, – резонно ответила она, оказавшись на середине комнаты, – я же не рабыня какая восточная. Я здесь работаю, служу, так сказать... К тебе приставлена, помогать во всем должна: советом ли, делом ли. Кушанья вон приношу-уношу. Стараюсь как могу. Только больно ты строптивая, – покачала она рыжей головой, взглянув на Катю с осуж-

дением, – невозможно прям работать. Жуть как сложно.

Царевна взяла с подноса яблоко и с хрустом отгрызла кусок. Пока жевала – думала, а Фотина за ней наблюдала. Она так и стояла в паре метров от дверей, застыв вполоборота.

– Не строптивая я, – проговорила наконец Катя, – но непривычно мне здесь, понимаешь? – Она сделала шаг к рыжеволосой собеседнице и в упор на нее взглянула. – Словом перемолвиться не с кем.

Девица покачала головой, закатила глаза. Расправив юбки, аккуратно опустилась на пол, прямо на ковер:

– Так бы сразу и сказала!.. Спрашивай, что там тебе узнать надо. Или про кого... – девчонка лукаво усмехнулась.

Катя не ожидала, конечно, что ей так легко удастся сломить оборону своей помощницы, и чуть было не растерялась, но постаралась поскорее сформулировать хотя бы первый вопрос, чтобы та не успела передумать. Недолго думая, дочь Макоши плюхнулась рядом с ней на ковер, бросив надкусанное яблоко на поднос. До подслушанного родительского разговора она бы стала расспрашивать Фотину о правилах и обычаях Раграда, о том, почему здесь так пустынно, что за технологии стоят за привычными вроде бы вещами. Но сейчас все ее мысли оказались захвачены странным происшествием, о котором она только что узнала, – кражей отцовских дневников.

Но не признаваться же, что она подслушала разговор... Как спросить-то?

– Что у вас тут на днях произошло интересного? – решила она начать с простого вопроса.

Девчонка насторожилась, искоса поглядев на пытлившую подопечную.

– А чего произошло? – ответила горничная вопросом на вопрос и прищурилась.

Катя поняла, что краснеет. Но отступить уже некуда, пришлось фантазировать и додумывать.

– А шум чего такой был и ратников во дворец, наверное, целая сотня набежала? – Катя незаметно скрестила пальцы, чтобы не проколоться.

Фотина вздохнула.

– Да не было никакой сотни ратников. И шуму не было. Врать мне не надо, хорошо?

Катя покраснела еще больше, ее бросило в жар, даже ладони вспотели. Она пробормотала неразборчиво: «Не вру я», – и опустила глаза.

– Вот-вот. И краснеть тогда не придется.

Она замолчала. Катя изучала занятный завиток на ковре и ругала себя за то, что так опрометчиво испортила отношения с горничной и потеряла единственный источник информации. Можно же было поделикатнее, поосторожнее. А она напролом, черный морок ее словно попутал.

– Вор пробрался в государевы покои, – вдруг тихо проговорила Фотина.

Катя встрепенулась:

– Как – вор? Здесь же охраны тьма-тьмушая... – она придвинулась ближе.

– А не простой вор, не из смертных, – в рыжих косичках полыхнуло солнце, – но и не сильно, видать, опытный, на следил много.

– Рассказывай, Фотина, что ты знаешь! – взмолилась Катя, для верности схватив собеседницу за запястье. – Мне очень-очень надо знать все подробности!

Та руку освободила, проговорила строго:

– Зачем тебе это, не знаю. – Расправила еще раз и без того красиво лежащие юбки: – Вообще-то тебе говорить не веле-но, не желают государь с государыней тебя волновать, – начала она противным голосом всезнайки, но посмотрела на несчастное лицо Кати и вздохнула, – но ты, видать, уже и так что-то знаешь, одним словом больше, одним словом меньше – беды не будет... Слушай!

Она придвинулась к Кате так, что их головы соприкасались, а дыхание сливалось в одно.

– Неделю тому назад, в прошлую пятницу, значит, Рослава, царёва горничная, убирала в его кабинете, естественно, в присутствии главного стражника. Вот, значит, вытирает она пыль с глобуса, большого такого, древней работы, не волховской, но все равно государь его бережет.

Катя насупилась, посмотрела на часы:

– Не отвлекайся, о главном говори.

– Ну вот, тут смотрит, а глобус-то открыт! – Фотина вы-

разительно округлила глаза. – Он, оказывается, внутри полый был, а в нем государь бумаги секретные хранил. Рослава, конечно, не знала, что это тайник его, и спугалась сильно, как крышка-то отвалилась в сторону, позвала стражника в свидетели. Тут государь-то и зашел в кабинет. И увидел, что глобус пуст. А как увидел, стал белее снега. Рославу прогнал. Сказывают, вдвоем с государыней темным мороком окутали кабинет и узнали, кто глобус тот открывал. Оказался колдун сиамский.

– Сиамский?

– Ну, с личиной, значит, ложной... Подробнее не скажу, ибо не ведаю. Они весь его путь проследили, по следам, пока те не остыли, и выяснили, что вышел он из тайного хода, из шкафа в кабинете государыни. Шкаф, видать, у нее тоже чародейный, волхвовской...

– А дальше? Куда колдун делся? – Катя поглядывала на часы – вот-вот придется бежать на урок к Митру.

– Дальше не ведаю, – покачала головой Фотина. – В погоню за ним семь стражников отправились, да вернулись ни с чем...

Катя задумалась.

– А что похищено? Что говорят?

– Откуда ж я знаю?! – всплеснула она руками. И тут же придвинулась, чтобы прошептать: – Говорят, личные дневники государя, с тайными волхвовскими секретами... Которые он собирал по всем городам и весям да которые от ба-

тюшки ему достались. – Она вздохнула, тревожно закусила губу. – Ой, беды не миновать, когда вече о том проведает...

– А что это такое – вече? Совет какой?

– Да, в него входят главы всех родов земель подлунных.

Катя кивнула, но ничего не поняла и решила, что надо будет обо всем этом разузнать на уроке подробнее, волхв Митр будет только рад, если она про государственное устройство начнет допытываться. И тут ей в голову пришла мысль, от которой сердце рухнуло в пятки.

– А что эти главы сделают, если... – Катя сглотнула, – если узнают про пропажу?

Фотина посмотрела на нее строго:

– Я, конечно, ничего не знаю, я в государевы бумаги не смотрела... Но Рослава успела услышать, что в дневниках тех – ключи от всех миров. Если вора того найти не удастся и пропажу не вернуть, то дело плохо. Старшие в родах будут отсекать ту параллель временную, в которой оказались бумаги, и смыкать ее...

– Это как?

Горничная хлопнула в ладоши:

– Схлопывать. Чтобы уничтожить всё, что в ней.

Катя округлила глаза, почувствовав, как по спине побежал ледяными иглами страх.

– Уничтожить? Всех, кто там живет?

Фотина вздохнула, посмотрела на нее с опаской:

– Миры наши вроде слоеного пирога: плотно-плотно смы-

каются, да не вливаются в один. Если не вернуть такую опасную вещь, как государевы дневники, из мира людей, то вече, вернее всего, решит отсечь его, будто кусочек подгнившего яблока.

Но это все одно плохо, потому что через дневники эти тот мир, даже отсеченный, связан с государем. А потому его, вернее всего, силы лишат да прогонят, чтобы сила дневников навеки пропала и до нашего мира не добралась.

– А что с миром людей тогда станется? – Катя с замиранием сердца ждала ответ.

– Ничего не случится, но вече может сделать временной карман, петлю, внутри которой прошлое станет будущим и наоборот.

– Что-то вроде кольца? Без начала и конца?

Фотина кивнула:

– Именно так. Все, кто окажется внутри, будут забыты, а значит, и выбраться оттуда не смогут. Ведь главная нить, что связывает миры, – общая память. Отсеченный мир постепенно истончится и рассыплется в прах.

Катя слушала и вспоминала все, что ей было так дорого, все, чем она недавно жила: набережная Енисея, золотистые плафоны фонарей над каменной мостовой, широкие, замороженные студеным ветром улицы и хмурые, нахохленные дома, приземистые, добротные, будто вросшие в сибирскую землю. Ничего этого не будет? И ее одноклассников? И даже Тани Рогаткиной, с которой они подрались в первом клас-

се и с тех пор сидели вместе за одной партой и делили все школьные горести и радости? Она забудет о них в один миг, а они перестанут существовать.

На указательном пальце у Фотины зазвенело колечко, камень осветился красным. Девочка сразу подскочила:

– Ой, зовут! – испуганно прикрыла рот ладошкой. – А я тебя еще не заплела и к выходу не приготовила.

Катя засмеялась:

– Да ладно, я сама причешусь.

– Точно? – Фотина посмотрела на нее с опаской, но колечко на пальце зазвенело с новой силой, и, подхватив юбки, словно огненный вихрь она бросилась к двери. – Я к тебе потом забегу, как освобожусь.

И умчалась. Только слышались ее удаляющиеся по пустынным коридорам шаги. Будто бусы рассыпались.

Катя вновь осталась одна и задумалась. Получалось, что шкатулка – или какая-то ее магическая часть – каким-то образом осталась в Красноярске. Через нее, значит, вор прошел в коридор, нашел дверь с грифоном, дотронулся до его носа и проник в шкаф, который находился в кабинете мамы. Знал? Или просто так совпало?

Почти наверняка знал и даже специально все подстроил.

Украва то, за чем он сюда пришел, вернулся тем же способом в Красноярск, в мир людей. Дальше – или бродит в том времени, или шагнул куда-то еще, наверняка есть какие-то способы.

Только если вор свободно перемещается между мирами, этими слоями пирога, то где гарантия, что, «схлопывая» один мир, старшие родов не ошибутся? Что, если отцовские дневники уже в каком-то другом мире, в иной параллели, сколько бы их ни было?

Шкаф, глобус в кабинете отца, колдун, дневник, погоня... Больше всего ей не давал покоя факт погони, которая ничем не завершилась, – куда делся этот вор? И как он мог пробраться в кабинет отца, причем, судя по всему, не тот, что для официальных встреч и переговоров, а личный, о котором во дворце-то не все знают? Она вот, например, не знает! И еще: столь серьезная книга, ключ ко всем мирам и какой-то звенигор, о котором говорили родители, – неужели отец хранил их просто так, без охраны и защиты?

От количества информации кружилась голова. Что там, в этих дневниках, такого?

Предположения роились в ней подобно диким пчелам и жалили в самое сердце.

Руку обожгло – это накалилось кольцо-напоминание об уроке, который Катя едва не пропустила. А она так и не повторила отрывок из Геродота, и, видимо, надо подготовиться к хорошей головомойке и осуждающему взгляду, к отповеди об отсутствии усердия, к предупреждению о недовольстве родителей... и наказанию, которое часто упоминалось, но пока Митр не слишком с ним усердствовал. Катя вздохнула – кажется, сегодня она получит хорошую взбучку.

Она торопливо переделалась в синее ученическое платье, подобрала волосы и кое-как заплела их в косички – те получились куцые, неаккуратные, с торчащими ёжиком кончиками. Фотина бы собрала как надо. Более-менее приличный вид причёске придала алая ленточка, перехватившая лоб.

Посмотревшись в зеркало, Катя придирчиво одернула платье, оправила все складки. На голове получилось не пойми что, так хоть платье пусть сидит как надо. Еще раз горько вздохнув, с лицом вдовствующей королевы она направилась в библиотеку – принимать положенное наказание.

* * *

В этот раз она прошла до конца галереи, поглядывая на развешанные по стенам карты – они только выглядели как старинные, пожелтевшие от времени и с архаичными знаками. На самом деле – она узнавала об этом у Митра – на них изображали сегодняшний день. В буквальном смысле. На них можно видеть разливы рек, землетрясения, очаги пожаров. На одной на город опускалась ночь, на другой жителей обжигало полуденное солнце.

Вот и сейчас, даже торопясь на урок, Катя не могла отвести взгляд от стены, наблюдая, как словно невидимая рука поднималась над землями, сбрасывая широкие рукава ночной мантии, как гасли в городе огни и разгоралось утро. Увлеченная этим, она не сразу услышала приближающиеся

шаги.

Катя оглянулась.

С ней поравнялся, приветливо кивнув, высокий и статный седовласый мужчина в плотном черном пальто, немного похожем на офицерскую шинель начала XX века. В руках он нес совершенно не шедший его щеголеватому виду старый-престарый кожаный портфель, почерневшая застежка которого не доставала до крепления. Чтобы не распахнуться и не рассыпать содержимое, его черное пузатое брюхо оказалось перетянуто толстой бечевкой. Для верности незнакомец придерживал портфель свободной рукой.

При этом сверток, который он зажал под мышкой, то и дело выскальзывал. Мужчине приходилось останавливаться, пристраивать портфель у ног, перехватывать сверток.

– Я могу вам помочь? – Катя не ожидала, что в этих гулких и пустынных залах ее голос может так звенеть, рассыпаясь на миллионы осколков, словно разбившийся хрустальный шар.

Незнакомец остановился, посмотрел на нее внимательно. И протянул сверток:

– Извольте, царевна, буду очень признателен.

Он знал, кто она.

Взяв в руки сверток – он оказался плотным и довольно тяжелым, – Катя направилась следом за незнакомцем.

– Вот, иду на доклад к твоему батюшке, – тот кивнул в сторону выхода из галереи, туда, где начиналась основная часть дворца.

Кате туда не разрешалось ходить, а за тот единственный раз, когда она нарушила запрет и отправилась изучать дивные галереи, ей пришлось просидеть всю ночь в крохотной каморке – ее задержала охрана и не отпускала, пока не разрешит его величество. Государь не спешил принимать решение, а заглянув утром в каморку, не удостоив ее и взгляда, отстраненно, так что у Кати похолодело под сердцем, приказал возвращаться в свою комнату.

Поэтому сейчас, услышав, что незнакомец торопится на встречу с отцом, она вежливо кивнула и ступала. Мужчина обернулся и неожиданно подмигнул. Катя на мгновение потеряла способность говорить: такой важный человек, а ведет себя словно подросток. Любопытство взяло верх над вежливостью и осторожностью:

– Простите, а вы кто?

– Я? – мужчина еле заметно улыбнулся.

У него оказались ярко-голубые, как небо ранней весной, глаза, и при этом совсем молодые, хотя лицо – Катя видела это теперь совершенно отчетливо – было покрыто сеткой мелких морщин. Услышав Катин вопрос, он остановился, поставил на пол портфель – тот с шорохом завалился набок – и протянул Кате узкую ладонь:

– В самом деле, невежливо получилось. Олег Велидарь, посол его величества в Византии...

Он снова подмигнул Кате, подобрал с пола развалившийся словно студень портфель и направился дальше. Катя по-

торопилась за ним.

– А отчество у вас какое?

– Богуславичи мы...

– Олег Богуславович, – Катя с любопытством поглядывала на пузатый портфель, – а как дела в Византии?

Вопрос был задан скорее чтобы поддержать разговор, так Катя представляла себе светскую беседу: следует задать вопрос о погоде, о месте, откуда прибыл гость, выслушать о том, как человек добрался, все ли здоровы... Придворному этикету в красноярской школе не учили, но в книжках героини вели себя именно так.

Посол, услышав вопрос Кати, внезапно остановился, посмотрел внимательнее, чем прежде, и покачал головой:

– Тебе надо в курс дела входить быстрее, царевна, не то впросак попадешь: дочь царская, а простых вещей не ведаешь. – Катя почувствовала, как краснеет. Некстати вспомнила кривенькие косички и собственный унылый вид. Олег пришел ей на помощь. – Тебе учителя назначили. Отчего у него не спросишь, что в мире творится, как живем мы, чем дышим, о чем мечтаем, к чему стремимся?

Катя опустила глаза, вздохнула.

– Митр меня только лекциями по истории да по географии мучает, – пожаловалась она, – как раз иду доклад делать по Геродоту...

Олег Богуславович помолчал.

– Знать труды отца истории, конечно, похвально, а отчего

иных летописей не читаешь?

– Каких?! – у Кати на глазах навернулись слезы. – Не знаю я здесь ничего! И мне никто ничего не рассказывает, даже мама...

Она осеклась – меньше всего стоило этому незнакомому человеку, который через пять минут увидит ее отца, говорить о том, что у нее здесь не всё в порядке. Да еще на маму жаловаться. Если бы не сверток, который она сжимала в руке, сорвалась бы и умчалась в библиотеку к Митру. Не пришлось бы сгорать от стыда.

Посол посмотрел на дверь в основную часть дворца, с сожалением опустил на пол портфель, тот опять завалился набок. Чтобы тот стоял ровно, Олег Богуславович подпер его ногой. Посмотрел на Катю строго:

– Ты – дочь русского царя. Владения твои велики и обширны, народ твой многочислен и разнообразен... Ты не можешь не интересоваться им. Ты находишься здесь уже... сколько? Три?.. – Катя неохотно кивнула. – Три недели, а знания твои ограничиваются парой-тройкой легенд и сказок, пусть и весьма примечательных. И ты ждешь, что тебе доложат, расскажут, положат в твою голову все, что тебе пригодится... Так нет же, не так это делается. – Он вздохнул и добавил уже мягче: – В твоём распоряжении лучшие библиотеки мира, все знания, какие люди накопили за тысячи лет. Ты сама, слышишь, сама должна искать их и добиваться, чтобы тебе предоставили возможность знать то, что другим не да-

но... Поговори со своим наставником. Спроси совета, с какого раздела начать.

– А с какого бы начали вы? – Катя все еще не смела поднять на него взгляд и стояла, прижав к груди тяжелый сверток.

– Я бы начал с геополитики и новейшей истории.

Он решительно подобрал свой портфель и, взяв из рук Кати сверток, коротко попрощался с ней и пожелал удачи, после чего быстрым шагом продолжил свой путь. Катя осталась стоять, словно ее пригвоздили к полу. В сердце росла обида: даже этот чужой и незнакомый человек и то недоволен ею... А что она, собственно, такого сделала? Из вежливости спросила, как там дела в Византии – не в той, которая пала под натиском турок-османов, а в этой. В Византии мира Велеса и Макоши...

Словно услышав ее мысли, посол остановился у самого выхода из галереи, развернулся на пятках и тихо и оттого, вероятно, очень четко произнес:

– А с Византией мы, царевна, накануне войны...

Глава 3

Государь

Катя бы, возможно, восприняла эти слова как шутку, если бы не серьезный тон посла, с которым эта фраза оказалась произнесена.

Да. Она ничего не смыслила в этом мире. Колечко-напоминание горело огнем, но, прежде чем свернуть к библиотеке, она все-таки остановилась у карты Европы. Пригляделась к обозначениям на берегах Средиземного моря. Великое море – так оно значилось на этой карте. Золотая звезда над Гибралтарским проливом – Константинополь. Катя проследила взглядом, нашла красно-бурый пунктир границы. До Ла-Манша и Балтийского моря на севере. Нынешняя Византия включала территории знакомых Кате Франции, Испании, Португалии, Германии и Польши и непосредственно граничила с Русским царством по Днепру. И вот сейчас, в этой диковинной реальности – они накануне войны.

Катя дотронулась до теплой, будто живой и дышащей поверхности карты, погладила выпуклую восьмиконечную звезду-Константинополь. Нашла на карте отметку чуть меньше – Москва. Столица. Поискала глазами Уральский хребет, обозначенный здесь как Рифейские горы², и на его южной

² Рифейские (Рипейские) горы – мифологическая горная гряда, о которой упо-

оконечности нашла небольшую пульсирующую точку – летнюю резиденцию царя, где она сейчас и находилась. Рядом, у подножия горной гряды, – торговые пути и крупный город, обозначенный как Мирград. Его она видела на какой-то из карт, если идти в другую сторону галереи, к маминой спальне. Но сейчас проверить времени нет – колечко обожгло нетерпеливым огнем. И это значило только одно: волхв Митр явился на урок раньше своей ученицы.

– Ой, мамочки! – воскликнула Катя в ужасе и рванула к узкой винтовой лестнице.

* * *

Когда Катя влетела в библиотеку, волхв в самом деле ее уже ждал. Он недовольно взглянул на часы, отчего его тонкие губы еще плотнее сжались, а брови сомкнулись в одну сердитую линию.

– Простите, учитель, я опоздала, – пролепетала Катя, замерев у двери.

Втянула носом воздух, чтобы немного успокоиться и перевести дыхание. С виска, отделившись от кромки волос, стекла тонкая струйка пота. Катя тайком стерла ее пальцем.

минается в греческих мифах как о родине северного ветра Борей. Соответствие нынешним Уральским горам в действительности предположительное – точное местонахождение гряды пока не удалось установить, но ряд данных говорит о том, что это Уральские горы.

– Определенно да, – процедил Митр сквозь зубы, усаживаясь за широкий дубовый стол.

Катя вздохнула и устроилась в торце стола.

– Ну те-с, – холодно произнес волхв, – не изволите ли вы повторить, что вам было задано на сегодня?

– Три главы «Истории» Геродота о скифских войнах, – с готовностью отозвалась Катя.

– И готовы ли вы порадовать меня хорошим ответом?

Начав фразу, Катя еще не успела продумать, чем она ее завершит. Решение пришло внезапно.

– К сожалению, нет, учитель, не готова. – В глазах Митра появились недобрые огоньки, его фигуру словно окутала темная дымка, но Катя, не обращая внимания на разгорающийся гнев учителя, продолжила: – Я очень сожалею об этом и обещаю показать лучшие знания древней истории на ближайших уроках, – она перевела дыхание, заметив, в какую ехидную полоску сложились губы учителя. – Сейчас же я прошу вас рассказать мне о том, что происходит в мире в настоящий момент... Например, о возможной войне с Византией.

Митр замер. Ледяным взглядом он рассматривал свою ученицу, но вместо смятения и страха видел в ней стойкую решимость добиться своего. На его лице промелькнула тень улыбки.

– Что ж, – сказал он неожиданно, – надеюсь, так и будет, так как не может быть мудрого государя без мудрых знаний.

– И не менее мудрых советников, – невозмутимо продолжила Катя.

Она сложила руки перед собой, сцепив похолодевшие от волнения пальцы замком. Она, конечно, боялась, что Митр разгневется и прогонит ее. Еще и отцу пожалуется. Но...

– Я рад, что наконец вижу перед собой царевну, – он впервые за это время назвал ее так. – Что именно вы желаете узнать, дорогая моя?

От резкой перемены в поведении наставника Катя опешила. Но любопытная улыбка волхва помогла найти решение.

– Я прошу вас рассказать мне об истоках конфликта.

Митр помолчал, очевидно, прикидывая, с чего начать. Оправив рукава мантии, он рассеянно покосился на золотой перстень-печатку на указательном пальце левой руки. Катя прежде не замечала его. Сокол, пикирующий на добычу. Или готовый разбиться. Знак Рюриковичей. Символ доблести и воинской чести.

Катя пригляделась к учителю: неужели он был когда-то воином? Или принадлежит к древнему роду ратоборцев? От возможности соприкоснуться с тайной сердце забилося часто-часто.

– Приятно слышать, когда твой ученик задает правильные вопросы... Я был бы разочарован, если бы вы, царевна, спросили у меня, словно у гадалки, будет ли война...

Он густо кашлянул. Встал из-за стола, важно расправив складки темной мантии, поместил в центре дубовой столеш-

ницы плоский мутно-голубой камень. И от него поверхность стола пришла в движение, потеряла материальную осязаемость, становясь мягкой и полупрозрачной. Из крохотных разрядов над камнем образовалась проекция короны. Серебристо-голубые блики скользили по ней, бросали длинные угловатые тени на лицо старца. Катя пригляделась, поймав себя на том, что очертания внутри этого зарева становятся всё более понятными. Неровная береговая линия, широкие, словно реки, каналы по сторонам света, большой остров, будто магический глаз, в центре. Катя перевела недоумевающий взгляд на волхва: перед ней открылась проекция мифической земли, существовавшей, насколько она знала, только в гипотезах ученых и на древних картах.

Ошибиться невозможно: она много раз проходила мимо карты Герарда Меркатора с этим изображением.

– Гиперборея?

Волхв не ответил, жестом пригласив смотреть внимательно.

Серебристый луч пробивал небывалую толщу океана. Под его поверхностью серая и безжизненная равнина оказалась обитаемой. На дне выделялся ярко освещенный город под куполом: высокие, тянувшиеся к поверхности трубы, полупрозрачные переходы, широкие прорезы воздухопроводов и систем очистки, от которых поднимались к поверхности пузырьки воздуха... От подводного города, как щупальца гигантского осьминога, расходились многочисленные тракты,

по которым сновали устройства необычной формы – покрытые слоем света пузыри. А над поверхностью океана в это время парили небольшие устройства, узкие и тупоносые, словно сапожки. Катя видела их неясные тени на волнах.

– Ого! – только и вырвалось у нее.

Волхв повернул голубой камень, и проекция Гипербореи превратилась в карту. На ней стали появляться желтые, красные, оранжевые и черные светящиеся значки, треугольники и прямоугольники, кружки и звездочки.

– Это золото, – указал Мирт на желтые круги. – Вольфрам, – его палец скользнул по большому скоплению красных отметок, – иридий, марганец, слюда, олово, алюминий... А это, – волхв указал на единственное на карте скопление голубовато-белого цвета, – лунанит, уникальный минерал, предназначенный для хранения и передачи магической силы.

Он снова дотронулся до мутно-голубого камня.

– На Земле его практически нет, известно единственное месторождение, но оно истощено и выработано века назад. Гиперборея стала доступна человечеству благодаря магии твоих родителей.

– То есть в этом мире мы нашли мифическую Гиперборею и добываем с ее поверхности минералы и чародейские камни?

Митр кивнул, дотронулся до карты:

– А теперь смотри.

Проекция подводного города изменилась. По поверхности материка поползла ломкая алая змейка, которая в какой-то момент схватила сама себя за хвост и замерла. Катя увидела, что практически все минералы, показанные на карте, включая редкий лунанит, оказались внутри образовавшегося овала. Над ним проступили очертания золотого грифона – герба Русского царства. Катя поняла: все, что внутри, – это наше. Рядом, за красной чертой, хищно расправил крылья алый двуглавый орел... Герб Византии...

Катя остолбенела.

– Теперь тебе понятно, моя царевна, в чем причина конфликта? Византия провоцирует Русское царство на конфликт. На открытое противостояние она пока не решается, но всячески мешает нашему взаимодействию с соседями и сеет раздор: то груз задержит, то пошлину провозную поднимет, то откажет в транспортировке или запретит конкретным лицам посещать подведомственные ей территории, то просто сталкивает интересы разных государств. В ход идут откровенный шантаж, подкуп и вымогательство. Но за всем этим стоят сложнейшие переговоры, торги, если хочешь знать, цена которым – владение месторождениями лунанита. Верховное вече поставило перед царем задачу – вопрос решить мирно, обеспечить безопасность как наших дальних и ближних рубежей, так и соседей. А прежде всего стоозерцев как хранителей древней святыни – Белой искры, давшей жизнь всему сущему на Земле.

Все просто. Ресурсы. Редкие, приносящие немислимые капиталы и неограниченную власть. В мире Кати так тоже было. И мир богов это не миновало.

В горле стало сухо, как в пустыне. Она покашляла.

– И что? Как идут переговоры? Известно ли это вам?

Волхв взял в руки мутно-голубой лунанит, проекция тут же рассеялась.

– Насколько мне известно, они зашли в тупик. Убит наш посланник в Константинополе. Византия пока воздержалась от официальных заявлений. В любую минуту она может заявить о начале расследования, и тогда это станет сигналом к старту нового раунда переговоров. Или сочтет посланника шпионом и объявит о начале военных действий. Так что теперь уже и не важно, что именно станет поводом для развязывания войны, – мрачно закончил волхв. – Обе стороны только его и ждут.

– А зачем эта война нужна нам?

Волхв указал на висевшую на стене карту мира:

– Стоозерье. Оно окружено землями византийских вассалов. Если удастся соединить Стоозерье с Русским царством, то нам будет проще организовать его защиту...

– Да-да, Белая искра, я помню, – пробормотала Катя, разглядывая карту Русского царства, в отдельной выноске которой темнели загадочные земли Стоозерья, страны на краю света. – А этот лунанит, он что, так важен для нас?

– Конечно!

Митр чуть наклонился вперед и, дотронувшись до Катиной шеи, потянул за тонкий шнурок, на котором бесполезно болтался Катин экземпляр часомера – трубочка с насечками, которую ей выдали в первый же день в Раграде. Местные использовали его как часы – ячейки в форме крохотных лун и солнц показывали время. Но Катя так и не поняла, как им пользоваться, поэтому определяла время с помощью обычных часов, наподобие песочных, и Фотина постоянно над ней из-за этого подтрунивала. Кулон же Катя носила, потому что красивый. Волхв снял его с Катиной шеи и, дотронувшись до основания трубочки указательным пальцем, подождал мгновение. Внутри кулона загорелся ярко-голубой свет. Митр положил трубочку на одну ладонь, другую приставил к ней ребром. Получилось что-то вроде уголка или лодочки.

Ясный голубой свет, проходя через лунки-отверстия в корпусе, оседал на ладони волхва диковинными знаками. Они кружились, будто в танце. При этом одни загорались ярче, другие, наоборот, гасли. Катя с любопытством вытянула шею.

– Так вот как он рабо... – она не договорила: рисунок на ладони наставника изменился, теперь на ней в обратном порядке пролетали все события последних дней, которые происходили с Катей: сам волхв и его рассказ, винтовая лестница в библиотеку и торопливая беготня по коридорам, короткая встреча с послем... Катина комната. Девочка, затаив дыхание, приоткрыла рот, в ужасе ожидая, что через пару

мгновений, после разговора с Фотиной, Митр увидит подслушанный разговор родителей...

От стыда сердце ушло в пятки. Волхв, однако, заметив фрагменты покоев царицы, понял, что попал в сугубо личное пространство, мгновенно убрал ладонь, а саму трубочку передал Кате в руки.

– Он что же, следит за мной? – она с опаской уставилась на устройство, не торопясь снова надевать его на шею.

Волхв покачал головой.

– Нет, конечно. Лунанит, что спрятан в сердце-вине твоего часомера, царевна, просто фиксирует твою память. Архивирует все твои мысли и наблюдения. Он может пригодиться и для других вещей, но ты ему пока никаких заданий не давала.

– А чем он может быть полезен?

– Ты могла бы у него узнать все то, что хотела бы спросить у меня или родителей, например. Он может показать тебе города. Поможет узнать природу таких сложных явлений или устройств, как луноскоп или светозар.

– А светозар – это тоже устройство?! – у Кати округлились глаза, все это время она была уверена, что это магический шар.

– Не совсем. Слово, скрепленное силой и ставшее материей, – это и есть волшба. – Поймав удивление в глазах Кати, волхв усмехнулся, довольный уроком. – Попробуй. И границы сегодняшнего дня раздвинутся безмерно. Все, что тебя

ограничивает, сидит вот здесь, – и он легко дотронулся до Катиной головы.

* * *

Выйдя из библиотеки, Катя сперва направилась к себе – приближалось время обеда, должна была прийти Фотина. Но что ей делать сейчас, когда в голове не уместается все, что она только что услышала от волхва и чуть раньше – от посла Велидаря?

Услышанное накладывалось на подслушанный разговор родителей и на известие о похищении отцовских дневников. Все это выглядело как заранее спланированная акция. Как и смерть посланника в Константинополе.

«Что, если там, в столице Византии, тянут не из-за смерти посланника, а из-за того, что отцовские дневники еще не в их руках? – подумала девочка, застыв посреди коридора. – Что, если дневники станут способом давления на отца, его ахиллесовой пятой?»

Какой может быть война в этом мире? В мире, наделенном магией и устройствами, ею пропитанными? В памяти всплывали страшные легенды, которые она когда-то читала, увлекшись мистификациями и ушедшими мирами. Мама только посмеивалась, когда Катя с восторгом рассказывала ей о Махабхарате и о шумерском эпосе.

Как отразится война на мире, в котором Катя выросла?

Ведь они связаны, как близнецы, у них общее прошлое, общее пространство в настоящем. Что, если волнение здесь обернется катастрофой в том мире?

Медленно, еще не до конца осознав, куда держит путь, Катя прошла мимо золотисто-коричневых карт по галерее. Остановившись перед своей комнатой, решительно развернулась и направилась ко входу в официальную часть дворца. «Все, что ограничивает тебя, – в твоей голове», – так сказал волхв.

Катя вплотную подошла к полупрозрачным дверям – те распахнулись, показав то, что скрывалось за ними: призрачно-туманный коридор и завеса, будто из тягучего облака.

Катя протянула руку и коснулась ее.

Прохладная.

Она надавила чуть сильнее. Пальцы свободно прошли сквозь плотную пелену.

Не чувствуя преграды, шумно выдохнув, Катя шагнула вперед.

На мгновение ее окутало моросью, мелкой, словно сноп брызг от разбившегося о пирс прибоя. И вот она уже стоит в длинной и широкой галерее: белый мрамор, нежно-голубая бирюза с золотыми прожилками, стройные ряды белоснежных колонн. В центре галереи в воздухе медленно вращается гигантский бело-голубой хрустальный глобус.

Казалось, что она выпала из реальности. Катя несмело коснулась ближайшей колонны, покрытой тонким круже-

вом серебристого узора. Та оказалась немного шершавой на ощупь, матовой, а узоры, наоборот, были выполнены из блестящего материала. Словно ледяной узор на зимнем стекле... Но нет, они были не ледяные. Они были теплые, как живые.

Вдалеке послышались приглушенные голоса, которые вернули ее к действительности. Катя затаила дыхание, сразу вспомнилось, что она явилась без приглашения, а значит, ее отсюда могут с легкостью «попросить», и тогда она не исполнит задуманного.

Прильнув к колонне, Катя ждала. Шаги неторопливо удалялись, забирая с собой и голоса.

Все стихло.

Катя шагнула вперед. Торопливо пробежала до центра зала, невольно запрокинув голову, чтобы посмотреть на гигантский земной шар – от него исходил утробный гул, а ось, казалось, была смещена, совсем как на реальном глобусе.

Стараясь двигаться максимально бесшумно, Катя свернула за угол и оказалась в следующей галерее, изумрудно-зеленой. Что-то подсказывало: здесь ее путешествие должно завершиться.

Пройдя чуть дальше по зеленому ковру, Катя остановилась и огляделась.

Чудеса, да и только.

Она стояла в глухом лесу.

Нет, не в галерее, убранство которой задекорировано в та-

ком стиле. У нее под ногами – не напольное покрытие, а самый настоящий мох, ковром устилавший пни и корни деревьев. Да, деревьев, не колонн. Катя для верности сковырнула ногтем кусочек коры – на пальцах осталась мягкая шелуха.

Высоко, над кронами, шатром смыкавшимся над головой, светило яркое летнее солнце. Его лучи тонкими оранжево-желтыми струйками пробивались сквозь обильную зелень. Щebetанье, стук дятла по стволу березы, треск сучьев и орлиный клекот – Катя не спутала бы эти «недворцовые» звуки ни с чем. Взгляд зацепился за лестницу со стесанными от древности ступенями, укрытую внизу мхом. Ее верхняя ступенька терялась где-то высоко в листве дерева, к стволу которого лестница была кем-то прислонена.

Затаив дыхание и стараясь не поскользнуться, Катя потихоньку поднялась по лестнице и оказалась перед грубо отесанной дубовой дверью.

Слегка приоткрыв ее (на большее у нее, к удивлению, сил не хватило), она тихонько позвала:

– Отец...

Ее голос, похожий на писк комара, подхватила чернильная мгла за приоткрытой дверью и унесла куда-то вглубь. Там что-то заворчало-заворочалось, дверь широко распахнулась, впуская Катю внутрь, и сразу со скрежетом захлопнулась, стоило лишь ей переступить порог берлоги – девочка иначе не могла назвать это место. Да и предположение напрашивалось само: Велес изображался медведем, жил в лесу,

считался скотским богом, то есть покровительствовал охотникам. Конечно, это не вязалось со статусом царя, но... она уже ничего не понимала в этом мире и была морально готова даже к медвежьему образу отца.

– Катерина.

Солнечный свет вспышкой озарил все вокруг, на мгновение ослепив почти привыкшие к темноте глаза девочки.

Одного произнесенного вслух имени оказалось достаточно, чтобы морок слетел в одно мгновение – Катя оказалась посреди неожиданно цивилизованного кабинета: огромное круглое окно с видом на равнину, темно-зеленый бархат на стенах, багряно-красная обивка немногочисленной громоздкой мебели, большой, в половину Катиного роста, глобус (очевидно, тот самый, с тайником), напротив двери – широкий стол темного дерева, заваленный бумагами. За ним, спиной к окну, сидел Велес, с изумлением рассматривая свою гостью.

Она поймала себя на том, что стоит открыв рот.

– Ты здесь как оказалась?

Катя сглотнула. Пожалела, что не продумала хотя бы начало разговора, хотя бы первую фразу, тогда бы не пришлось сейчас растерянно мямлить и потеть. Тем временем отец отложил в сторону папирус, который читал в момент непрошеного вторжения, – тот с шорохом скрутился в трубочку. Велес, покосившись на него, небрежно положил перед собой руки. Сильные, с тонкими длинными пальцами. Катя отче-

ГО-ТО ВСПОМНИЛА:

Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней³.

Ярко-синие глаза отца спокойно разглядывали ее, не без любопытства, но при этом без нежности и хоть какого-то намека на привязанность или симпатию.

Катя вздохнула.

– Отец. Прости, я, наверно, не вовремя... – Она посмотрела на него, надеясь, что хоть эта дежурная фраза заставит его очнуться и как-то проявить себя.

Он расстроен? Раздражен? Зол? Ему все равно? За каменной вежливостью ничего не прочесть. Начиная паниковать, Катя заговорила быстро и сбивчиво.

– Я тут шла... – она шумно выдохнула. – Подумала, что... Мне показалось... Вернее, я хотела...

На языке вертелось: «Шла тут мимо, смотрю, твой кабинет, дай, думаю, загляну», – но ничего из этого не подошло... Как ни крути, отец не оценит шутки. Катя смолкла и закусила губу, с удивлением уставившись на ковер: узор неторопливо расцветал алыми огоньками, будто каплями крови, – сильнее и ярче у ее ног, постепенно угасая у отцовского стола.

³ М. И. Цветаева. Генералам двенадцатого года.

– Ты шла, чтобы поговорить со мной? – он неожиданно пришел ей на помощь.

В голосе, кажется, не было раздражения. Скорее любопытство. Мягкий низкий голос, от которого упало сердце – вспомнилось, в каком тоне он говорил о ней утром, думая, что никто, кроме жены, его не слышит.

– Ну-у-у, – протянула Катя, еще не сообразив, стоит ли сразу сознаваться.

– Просто если бы ты шла не ко мне, то ты бы никогда не нашла это место. В принципе, я надеялся, что спрятал его достаточно хорошо...

– Очень, очень хорошо! – заторопилась Катя. – Я думала даже, что попала в лес, только никак не могла понять как. Шла по коридору, остановилась, оглянулась – и в лесу стою. Моргнула – лестница. За ней – тяжелая дубовая дверь... Никогда бы не подумала, что ты так умеешь, – добавила она и осеклась.

Отец улыбнулся. Вернее, его глаза улыбнулись, пустив по лицу теплые лучики, как в прежних, еще детских, снах. И снова каменная маска.

– Так зачем ты меня искала?

– Можно я присяду? – спросила Катя и тут же подумала, что получилось невежливо.

Но отец учтиво указал ей на высокий стул у стены, слева от своего стола.

Катя присела на него, аккуратно расправив платье и при-

гладив косички.

– Отец, – начала она, решив быть честной и последовательной. – Во-первых, должна сознаться. Сегодня утром я хотела переговорить с мамой, пошла к ней в комнату и случайно услышала ваш с ней разговор, – Катя бросила на Велеса жалобный взгляд. – СЛУЧАЙНО, клянусь! Я проснулась рано, думала, может, мама тоже не спит, пошла к ней... Потому что я... очень скучаю. А там... Вы разговаривали.

Она замолчала, ожидая реакции отца. Тот посуровел, глаза чуть прищурились, потемнели, но Велес промолчал.

– Так что теперь я тоже знаю про исчезновение твоего дневника, и это второе, что я хотела тебе сказать.

Она подняла на него глаза. Отец словно превратился в камень. А Катя решила побыстрее закончить, чтобы, если уж ее прогонят, не пришлось сожалеть, что она что-то не доделала.

– Я знаю также, что ты меня винишь в том, что произошло. И, подумав, я поняла, что, с твоей точки зрения, ты, конечно, прав. Но поверь, я не знаю, о чем ты говоришь. Моя шкатулка сейчас стоит в моей комнате здесь, в Раграде. Она была со мной все эти дни. Как она может быть и у меня в руках, и там, в Красноярске, я не знаю. Но в свое оправдание скажу, что у меня и мысли не было, что это какая-то ценная, особенная вещь, а если бы и была, я понятия не имела, как и сейчас, впрочем, не имею, как мне следовало поступить, чтобы сбежать из квартиры и при этом сохранить шкатулку.

– Надо было просто закрыть крышку, – сухо отозвался Ве-

лес. – Это ведь так очевидно, когдаходишь в помещение.

Он посмотрел на дверь своего кабинета – сейчас Катя не забыла ее за собой притворить.

Катя нахмурилась, вспоминая детали своего побега из квартиры... Афросий, готовивший веревку, чтобы ее придушить... Холодный и вкрадчивый голос Шкоды... Кошка, мелькнувшая в отражении...

– Я об этом даже не подумала, у меня руки были заняты – я перед этим посох, алатырь, моток разложила, думала, что с ними делать, и тут в дверь позвонили. Я пошла открывать. Ко мне ворвались трое, они искали посох, пригрозили, что убьют меня, – Катя помолчала. Отец все это время внимательно за ней наблюдал. – Я испугалась очень, подумала о бегстве, – продолжила она рассказ о том дне. – И только подумала об этом, как в окне мелькнула кошка, которая и показала, что делать. Она нырнула в открытую шкатулку, словно в бассейн... Я успела схватить все эти вещицы и оказалась внутри шкатулки. Получается, у меня руки были заняты, как за крышку взяться?

– Это, конечно, многое объясняет, – голос Велеса был все еще суровым. – Но уже поздно что-то менять, дело сделано. Не кори себя...

– Вот это как раз третье и, пожалуй, главное, о чем я хотела с тобой поговорить.

– Ну что ж, тогда слушаю, – Велес вздохнул, удобно откинулся на спинку рабочего кресла и сложил руки на груди.

Катя ловила на себе его изучающий и удивленный взгляд и готова была поспорить, что он смотрит на нее и не узнаёт в этой неказистой девчонке с кучными косичками двухлетнего карапуза. Усмехнулась про себя. Да, детям свойственно меняться. И расти. «Я тоже помню тебя другим», – будто в отместку отметила она про себя.

Она перевела дыхание и наконец заговорила:

– Отец! Я осознаю свою вину – хоть и невольную, но тем не менее вину. И угрозу, которая возникла из-за этого. И то, что тебе заниматься этим нет никакой возможности, у тебя есть дела и поважнее...

– Это какие, например? – Он с интересом вздернул бровь.

Катя растерялась: насколько откровенной можно быть с отцом? Проговорила осторожно, взвешивая каждое слово:

– Я говорила с посланцем из Византии, Олегом Велидарем, он сказал, что мы на пороге войны. И теперь, после смерти посланника...

– Надо же, какая осведомленность, – иронично отозвался Велес и зачем-то посмотрел в угол кабинета, за спину Кати.

Девочка проследила за его взглядом, но ничего примечательного не обнаружила.

– И поэтому я прошу тебя дать мне возможность вернуть твои записки.

Опасаясь, что он захочет от нее отмахнуться, сказав что-то вроде дежурного «это слишком опасно» или «тебе не стоит в это вмешиваться», Катя выложила решающий аргумент:

– Ты предполагаешь, что вор проник сюда, использовав эту шкапулку, оставленную открытой в Красноярске, и у тебя, вероятно, есть основания так полагать. Но если догадка твоя верна, то никто из живущих здесь не знает тот мир лучше меня. Я там все-таки выросла и отлично знаю законы, правила и порядки. Твои люди будут там словно белые вороны! А я останусь незамеченной. Только ты скажи, что именно нужно искать – как эти твои дневники выглядели: тетрадки или альбомы, какого они цвета, толщины...

Велес улыбнулся.

– Тетрадки, альбомы... Забавно... – проговорил задумчиво. Все-таки его дочь еще совсем ребенок. Но ее довод и предложение помощи заставили всерьез задуматься: он не мог не признать, что ее идея нравилась ему все больше. – И ты хочешь справиться с опытным магом в одиночку?

Катя покосилась на разложенные на его столе документы и призналась:

– Я надеюсь привлечь для этого своих друзей.

– Каких именно?

– Ярославу, Енисею, Олеба и Истра... Я ручаюсь за них.

– Этого не требуется, я знаю, что они верные друзья. Но их участие исключено. Как ты себе это представляешь: столько людей будут то и дело шататься из прошлого в будущее и обратно? Это невозможно.

Он раздраженно смолк. Эта идея ему и нравилась, и не нравилась одновременно. У него не было никакой информа-

ции о воре – он мог оказаться опаснее, чем предполагалось. Более того, неясно, по чьему заказу и чьей наводке он оказался во дворце, подозрения не считаются. С другой стороны, Катя права: без нее он, пожалуй, не справится. Но как ее привлечь и обеспечить безопасность одновременно? Вот дилемма... Конечно, можно выдать дочери что-то из своего арсенала, что-то универсальное, мощное... Ну да, вообще-то у нее это уже есть – его посох, который отказался возвращаться в его руки. Велес вздохнул:

– Знаешь, дочь, в твоих словах есть зерно истины. Мне надо обдумать твоё предложение и, – добавил он улыбнувшись, – посоветоваться с мамой.

– Хорошо, – Катя порывисто встала и дернулась к выходу. Уже у самой двери обернулась, и Велес наконец увидел её улыбку: – Я буду ждать твоего решения!

И выскользнула из кабинета.

Велес так и остался сидеть за своим письменным столом. В огромном круглом окне за его спиной по-прежнему плескалось солнце, открывая великолепный вид на бескрайние зеленые луга, роскошные леса, широкую серебристую гладь реки. Высоко в небе проплывала едва заметная цепочка кораблей, мелькая огнями, – торговые суда. Правая рука царя в задумчивости поглаживала край толстого свитка папируса, над которым он работал, когда в кабинет зашла дочь.

– И что ты на это скажешь? – спросил он в темноту, обратившись в тот самый угол за стулом дочери, куда поглядывал

во время разговора с ней.

Из сгустившегося полумрака медленно проступил силуэт недавнего Катиного знакомого, посла в Византии Олега Богославовича Велидаря. Он проявлялся словно из ниоткуда: вот в темной пустоте засветтели лицо, шея, за ними – серебристые волосы, плечи... Через пару мгновений посол стоял во весь рост, скрестив руки на груди и в задумчивости барабаня указательным пальцем по кончику собственного носа. Пузатый портфель стоял возле его ног. Он легко сбросил пальто с плеч, аккуратно повесил на спинку стула.

– У тебя очень умная дочь.

Велес улыбнулся. Конечно, льстец тянет время, и все же... Приятно. Дочь действительно умна не по годам. И улыбка хороша. Мирославина улыбка!

– И все-таки?..

Олег устроился в кресле напротив, изящно положив одну ногу на другую.

– Она может оказаться права.

– Но она же не знает, на что идет.

– И это к лучшему, – посол слегка наклонил голову, – иногда, ты знаешь, неведение – большая сила.

Велес молчал. Его всё еще мучили сомнения.

– Как она до этого додумалась? Что ты ей еще сказал?

Олег захохотал.

– Что я мог сказать? Ей просто очень хочется снова быть в эпицентре событий, она соскучилась по своим друзьям! –

Видя непонимание в глазах царя, посол хитро добавил: – Тебе надо было чаще общаться с дочерью, государь. Тогда ты бы вовремя заметил, как тоскует она по прежней жизни. Ей здесь все дико и непонятно. После таких захватывающих приключений – если я правильно осведомлен, переход, старуха-ведьма, грифоны, Аркаим, первые опыты с мороком, – здесь в ее понимании, извини, болото... – Велес хотел что-то возразить, но Олег не дал. Подняв вверх указательный палец, он заключил: – Хотя, конечно, и желание помочь, безусловно, ее тоже посетило.

Велес недоверчиво покосился на Олега.

– Может, ей хотя бы маячок дать? Чтобы знать, что у нее все в порядке? – Велес хрустнул костяшками пальцев и прищурился, глядя куда-то вдаль, мимо собеседника.

– Дай. Только, государь, она не возьмет.

– Я и спрашивать особо не буду...

– Ну дай ей поворотную карту, заодно отметишь то, что смогли установить твои стражники. Да и по меткам сможешь видеть, где она, куда перемещается.

Велес кивнул, задумчиво развернулся к окну.

– Честно говоря, я бы лучше сам...

Посол покачал головой.

– Ты здесь больше нужен. Византийцы настроены весьма решительно, ты же сам видишь.

Тон Олега Богуславовича перестал быть шутливым, а глаза превратились в узкие щелочки. Царь вернулся к папирусу,

который изучал в момент вторжения дочери:

– Сколько кораблей в остановленном ими караване?

– Больше сотни.

– А что в трюмах наших судов?

– Преимущественно зерно для Антарктиды, точнее для Стоозерья, топливо, а еще, – он выдержал секундную паузу, – Перуновы щиты... – При этих словах Велес насторожился, собрался в кулак, готовый к молниеносному удару. Увидев это, посол поспешно добавил: – Но о последнем византийцы пока не знают, команда не пускает их представителей на борт, сославшись на заразную болезнь, все переговоры ведутся через посланника в представительстве и посольстве, – он изящно поклонился, изобразив, что переговоры идут при его непосредственном участии.

Велес нахмурился.

– А щиты там как оказались?

– Стоозерцы договорились с Перуном для защиты дальних рубежей. Они тоже готовятся... Понимают, что более уязвимы, чем мы. А пройти туда, ты же знаешь, могут только наши корабли.

– Почему меня-то не предупредили?

Олег промолчал. Он не знал, отчего Перун не сообщил царю о поставках вооружения на Южный полюс в трюмах флотилии Велеса. Может, решил, что тот будет возражать, а крайние южные рубежи действительно надо было срочно принимать под защиту и снабжать необходимым.

– Что у тебя еще? – Велес, похоже, начинал злиться.

Посол понял, что время для дружеских бесед окончено.

– Герцис, византийский наместник в Кале, пишет, что у них готово около сотни установок в Саксонии, нацеленных в сторону нашего Мирграда. Копия письма у вас, мой государь. По моим данным, такие установки имеются также в Галлии и Дании. Они готовятся к войне, государь. Нам придется или вступить в нее, или...

Он замолчал, не решаясь сказать того, что вертелось на языке.

Велес повернулся к окну.

– Ты хотел сказать, или вступить в битву, или передать им Залог власти?.. – Он медленно развернулся. – Сирийцы заверили нас в поддержке. Бхарат⁴ тоже на нашей стороне. Персы, скорее всего, будут наблюдать. Они не могут нам простить свое поражение у Тихого мыса, будут ждать, кто кого. Эх, нам бы время выиграть... – он подался к собеседнику. – Как думаешь, удастся?

– Я сделаю все возможное. Но слова твои говорят о том, что дочь отдавать императору ты не намерен. Тем более сейчас ее лучше отослать в мир людей. – Олег Велидарь встал. – Что с нашими кораблями делать, государь?

– Задержку каравана судов считать недоразумением. – Посол кивнул в ответ. – До разрешения ситуации арестовываем

⁴ Бхарат – официальное название Индии на хинди, закрепленное в конституции страны.

византийские активы на стоимость кораблей и груза согласно декларациям. Но в целом заверяем императора в нашей искренней дружбе.

Посол усмехнулся и согласно кивнул, поднял портфель, взял пальто и направился к выходу.

– Олег! – остановил его Велес. Тот замер. – Осторожнее будь! Твоя голова на вес золота!

Посол хмыкнул:

– Моя голова, государь, не стоит больше всех остальных частей тела, хотя лично мне, безусловно, дорога безмерно...

Глава 4

Тот самый день

Красноярск, день исчезновения Кати Мирошкиной и ее мамы

Рауль Моисеевич Улаев сидел в тесной темнущке, служившей врачам отделения скорой медицинской помощи комнатой отдыха. Сейчас уже можно расслабиться: на сегодня черед нескончаемых вызовов, темных коридоров, мутных лампочек, запаха корвалола и душных, пропахших кошками квартир позади. Он устало прикрыл глаза, запрокинул голову на подголовник старого, еще советского, доперестроечного времени продавленного кресла с обивкой из коричневого, давно потрескавшегося кожзаменителя. Над чашкой чая с ромашкой, что он держал в руках, тонкой струйкой поднимался ароматный пар – любимый атрибут и символ окончания рабочей смены пожилого врача.

Блаженную тишину нарушало лишь назойливое щебетание медсестры, кокетничавшей по телефону уже добрых пятнадцать минут. С другой стороны, начавшаяся утренняя суета в отделении вгоняла в блаженное оцепенение – его все это не касалось. Бегали лаборантки, нянечки и медсестры, гулко и басовито командовал Михалыч, вернее, его сменщик

Валерий Михайлович – врач пожилой и поэтому очень требовательный. Как-то так получилось, что они будто из одного теста сделаны: оба старой, советской выучки, оба с сумасшедшим стажем в неотложке, оба одинокие. Даже сердечными каплями в случае чего пользуются одинаковыми.

Михалыч сейчас, судя по всему, крепко вошел в образ земского врача и распекал Танечку, молоденькую акушерку.

– Ну, голубушка, – басил он, – нельзя же так относиться к своей работе! Ее надо делать либо хорошо, либо никак! И если совсем никак, то вон из медицины!

Танечка что-то тихонько и неразборчиво сказала в свое оправдание, Рауль Моисеевич не расслышал.

– И тем более! Она же беременная! А не глухая! А ты на нее орешь из-за несчастного контейнера с анализами...

Рауль Моисеевич отстраненно вздохнул. Как хорошо, что Танечка проштрафилась не в его смену. Теперь можно сидеть в старом продавленном кресле и пить чай с ромашкой, не думая, как исправлять ошибки малоопытного персонала... Его уже здесь практически нет. Вот еще глоток чайку – и домой! В пустую холостяцкую берлогу. Спать!

Он открыл глаза. Михалыч наконец-то стих, Танечка убежала провожать женщину в родильное отделение, в коридоре воцарилась долгожданная тишина. Так хорошо, что пожилой врач даже подумал: а не завалиться ли спать прямо тут, на низеньком диванчике в углу? А потом уже потихоньку двигать до дома, где его все равно никто не ждет, кроме старого

фикуса на подоконнике.

К действительности доктора вернул звонок. Мобильник противно тренькнул и утробно завибрировал. Рауль Моисеевич сонно взглянул на голубоватый экран: «Маруся вызывает», – светилась подпись над фотографией улыбающейся старшей дочери. Он нажал на зеленую кнопочку.

– Деда! – заверещал голосок в трубке. Сердце радостно прыгнуло: внучок! – Деда! Ты уже всех сегодня спас?

– Всех, Митенька, всех...

– Ты когда к нам?

– Вечером жди...

– Ве-ечером? – разочарованно повторил мальчик и расстроенно засопел. Рауль Моисеевич улыбнулся.

– Вечером, будем с тобой железную дорогу достраивать.

На другом конце Красноярска раздался тяжелый вздох. Слышно было, как к телефону подбежала дочь:

– Пап, а чего вечером-то? Я тебя сейчас ждала, чай уже заварила, зеленый, как ты любишь...

– Дочь, я с ночной, поспать хотел, умыться...

– Вот у нас и умоешься, и поспишь, мы с Митькой тебе мешать не будем, мы сейчас гулять пойдем. Да, сынок? – на заднем фоне внук зататорил что-то согласительное.

Рауль Моисеевич терпеть не мог, когда его начинали уговаривать, его это почему-то всегда раздражало. Он уже хотел ответить дочери что-то резкое, но осекся: в самом деле, отчего не поехать сразу к ней и внуку. У них дом большой,

уютный, живой... После смерти супруги три года назад его квартира так и не стала снова родной. В ней он чувствовал себя нежеланным гостем, старался не шуметь, не пачкать и не мусорить. Все напоминало ему о жене. Они вместе прожили тридцать девять лет, и вот она от него ушла, оставив вместо себя кружевные салфетки, накрахмаленные занавески, фарфоровых слоников на полке в серванте да старый фикус на подоконнике. Но это всё не то... Он остался один. Младшая дочь, Рита, училась в Питере. Старшая, Маруся, давно замужем. Митька вон растёт. С зятем в целом хорошие отношения, но... и у них дома он чувствовал себя не дома. Получается, он уже три года как бездомный. От этого, наверно, и полюбил Рауль спать на продавленном диванчике в больнице – всё среди людей.

– Пап, ты меня слышишь? – вернул его к действительности голос в трубке.

– Слышу, Маруся, отвлекся просто... Минут через двадцать буду, если в пробку не попаду.

В трубке послышалось отдаленное «ура!» – это Митька заверещал и радостно затопал.

– Рауль Моисеевич! Хорошо, что вы еще не ушли! – в комнату отдыха заглянула гладко причесанная голова Арины Самойловны, дежурной сестры. – Вы ж в журнале не расписались! А сегодня заведующий проверять будет...

Худенькая фигурка в белоснежном халате проскользнула в комнату. Арина Самойловна разложила перед ним журнал,

открытый на нужной странице, и показала галочки в тех графах, в которых нужно было оставить подпись. Рауль Моисеевич послушно изобразил в нужных местах свою закорючку.

Взгляд невольно зацепился за строки внизу листка: «15 часов 35 минут. Вызов на улицу Калинина, 12, квартира 15, женщина 25.10.1975 года рождения, Мирослава Олеговна Мирошкина, причина вызова – жалобы на боли в области сердца, высокая температура, потеря сознания, вызывала дочь». Перед глазами всплыли бледное лицо молодой женщины, худые руки, безвольно лежащие поверх одеяла. И испуганные глаза дочери. Девочке на вид лет тринадцать. Худенькая такая, жалкая. В сердце неприятно зашевелилось беспокойство. Надо позвонить, узнать, как себя чувствует женщина с таким необычным именем – Мирослава. Он мельком взглянул на часы: стрелки замерли на отметке 8 часов 31 минута. Рановато, конечно, но зато, если женщине стало хуже, можно заехать, посмотреть еще раз...

Он достал сотовый, набрал номер.

Длинные гудки в трубке. По домашнему никто не отвечал. Пожилому врачу это показалось странным...

Рауль Моисеевич поставил последнюю подпись, дождался, когда за Ариной Самойловной закрылась дверь, и набрал еще раз. Снова длинные гудки.

Врач решил, что спят. Возможно, девочка с испуганными серыми глазами отключила звук на телефоне, чтобы не разбудил маму.

«Перезвоню позже», – подумал Рауль Моисеевич и решительно встал: надо уже ехать домой, внук ждет!

Он быстро оделся и вышел из душевой комнатки.

На всякий случай он набрал номер Михалыча – тот уже уехал на вызов.

– Михалыч, здорово еще раз! Да, как видишь, никак не уеду... – Он послушал, улыбаясь, дежурную тираду старинного товарища о вреде чрезмерной работы. – Я тебя прошу, будешь мимо Калинина, 12 проезжать, пометь себе заглянуть в пятнадцатую квартиру. В пятнадцатую, говорю... Там, видишь, у женщины температура высокая, за ней присматривает дочь-подросток... Я им звонил сейчас, трубку не взяли. Ну, надо бы посмотреть, как там они. Сердце как-то не на месте. – Он толкнул дверь и вышел на улицу, вдохнул легкий, как перышко, морозный воздух. – Если что, может, в больницу мамашу-то забрать... Заедешь? Ну, отлично! Бывай!

И уже через несколько минут все его мысли были заняты только дочерью и внуком. Предвкушение встречи всецело завладело им: еще полчаса, и он уткнется в мягкую и шелковистую, пахнущую молоком и детством Митькину щеку, пощипет его маленькую и такую крепкую ладошку, попьет ароматный чай и – черт с ним, со сном – пойдет собирать железную дорогу. Маруся пусть сама идет в свои магазины или куда там ей надо. А потом они с Митькой вместе завалятся спать: он, уставший после ночного дежурства, и внук, пере-

полненный восторгом от большой железной дороги и гудящих паровозов.

Ближе к вечеру, уже собираясь к себе домой, Рауль Моисеевич вспомнил о женщине с Калинина, 12. Отчего-то перед глазами опять встала жалкая, как промокший котенок, потерянная девочка... Он позвонил Михалычу.

– Алло, здорово, Михалыч, как смена? Тихо? Хм... Видать, мне достанется. Ну да ладно. Ты скажи: на Калинина, 12 заезжал?

Оказалось, Михалыч был там сегодня. Но ему никто не открыл. В квартире, похоже, никого не было.

– Может, уехали к родственникам каким? – протянул Михалыч из трубки.

– Да нет, – Рауль Моисеевич с сомнением покачал седой головой, – дочь говорила, что нет у них никого, одни они тут, оттого и беспокоюсь по-стариковски. Ну ладно, Михалыч! Бывай! Спасибо в любом случае.

Чтобы подстраховаться, он позвонил на пульт дежурной – узнать, не было ли повторного вызова с этого адреса. Но нет, не было.

Тогда он решил ехать сам.

Пришлось сделать лишний крюк, чтобы маршрут к дому прошел мимо девятиэтажки на улице Калинина. Вот он, этот невеселый подъезд с противными темно-зелеными панелями (и кто придумал красить стены таким оттенком?). Рауль Моисеевич поднял голову, пытаясь предугадать, куда выходят

окна пятнадцатой квартиры. Насколько он запомнил, Мирошкины жили на четвертом. Первый подъезд. Квартира угловая.

В окнах угловой квартиры на четвертом этаже горел свет. Может, это чужая квартира? Он поднялся на нужный этаж, стараясь не шуметь, тихо подошел к двери, прислушался. Там, в глубине закрытой квартиры, явно шла какая-то жизнь. Он отчетливо слышал скрип половиц, медленные осторожные шаги. Рука потянулась к кнопке звонка, но Рауль Моисеевич передумал звонить – что, если бедная девочка на цыпочках передвигается по квартире, чтобы не будить уснувшую мать?

Он осторожно постучал. Звуки за дверью стихли. Квартира настороженно замерла. Пожилой доктор еще прислушался: действительно, тот, кто находился в квартире, не хотел открывать дверь. Странное ощущение прокралось за воротник, пробрало до костей и пересчитало позвонки. Беспокойство, к которому примешалось чувство опасности.

Рауль Моисеевич постоял еще некоторое время у закрытой двери. Потом решительно пересек лестничную клетку и нажал на черный пупырышек звонка у обитой дерматином соседской двери. За ней тут же послышалось торопливое шарканье, покашливание.

– Кто там? – отчетливо спросил пожилой голос.

– Добрый день, это доктор со скорой, я к вашим соседям приходил, – громко произнес он. – Не могли бы вы открыть

дверь...

Скрипнул замок, и через узкую щель, оставленную дверной цепочкой, показалось вытянутое от удивления и любопытства лицо пожилой женщины в очках-половинках, а из глубины квартиры на лестничную площадку ринулся насыщенный аромат борща и гренок с чесноком.

– Извините, пожалуйста, – вежливо проговорил Рауль Моисеевич, стараясь отвлечься от восхитительного аромата, – я доктор Улаев из отделения скорой помощи горбольницы. Вчера примерно в это же время, чуть раньше, я приезжал к вашим соседям из пятнадцатой квартиры. – Соседка кивнула и поправила очки, а Рауль Моисеевич продолжал: – Сейчас приехал справиться, все ли у них нормально, а никто не открывает. Не знаете, они уехали?

Старушка подозрительно его оглядела – доктор поежился, почувствовав себя преступником.

– А с каких это пор врачи скорой так пекутся о своих пациентах? Я вон давеча сердцем маялась, вызывала бригаду. Приехали, укол поставили и уехали. К терапевту на участок велели идти, как оклемаюсь. И никто потом не справлялся, что со мной да как я себя чувствую, – она подозрительно вглядывалась в лицо доктора, будто намереваясь запомнить его для фоторобота. – Или знакомая какая? Так звони ей на мобильник, чего ко мне ломишься?

– Да нет, не знакомая, – Рауль Моисеевич поперхнулся, – просто за больной только дочка приглядывала. Подросток...

Мало ли что? Телефон, оставленный для связи, не отвечает, дверь не открывают. Беспокоюсь, не стало ли женщине хуже...

Старушка поежилась, плотнее запахивая пуховый платок на покатых плечах.

– Ну не знаю... Куда они могли деться? – ворчливо бросила она.

– Может, уехали куда? – повторил свою догадку доктор.

– Да некуда им, – старушка воодушевилась, – нет у них никого. Сроду не слыхала про их родню. Да вы не беспокойтесь, – добавила она, – Мирославе наверняка лучше стало. Вчера вечером, аккурат программа «Вести» началась, к ним гости привалили, шумели, что-то там передвигали даже. Допоздна не ложились и спать вон Тамаре Федоровне, она под ними как раз живет, всю ночь не давали.

– А про Тамару Федоровну вы откуда знаете?

– Так жаловалась она, утром сегодня виделись, – женщина снова неодобрительно окинула его взглядом. Для большей убедительности добавила: – Милиция к ним даже вчера приезжала, тоже у меня спрашивала, дома ли Мирослава... Так что наверняка полегчало мамаше-то...

Рауль Моисеевич кивнул, поблагодарил словоохотливую соседку и пошел вниз. Странная мысль не давала ему покоя: дочь Мирославы не выглядела как девочка, которая способна позвать в гости шумную компанию, пока ее мать нездорова. А то, что Мирошкиной не могло стать лучше за пару ча-

сов настолько, чтобы звать толпу гостей, он был совершенно уверен. Что-то здесь было не так.

От слов соседки про стражей порядка тоже скребло на душе, доктор жалел, что не уточнил сразу: с какой стати полиция, которую старушка-соседка по старинке называла милицией, приезжала в квартиру Мирошкиных? Может, это из-за жалоб на шум соседки снизу, Тамары Федоровны? Да нет, соседка бы мне об этом точно рассказала. Зря не узнал!

Следующим утром врач отделения скорой помощи городской клинической больницы Рауль Моисеевич Улаев возобновил звонки в квартиру Мирошкиных. Однако его попытки опять не увенчались успехом – никто по-прежнему не брал трубку. Квартира словно вымерла.

В листке вызова было указано место работы Мирошкиной – местный краеведческий музей. Узнать его номер не составило труда. Но то, что он выяснил, дозвонившись туда, потрясло доктора до глубины души.

Секретарь директора музея, по голосу милая молодая девушка, узнав, что звонит доктор со станции скорой помощи, охотно поведала ему последние музейные сплетни. Оказалось, что Мирослава Мирошкина позавчера днем почувствовала себя плохо. Доктор подумал, что это было как раз перед тем, как она вызвала неотложку. Пожаловавшись на сильную головную боль, Мирошкина, по словам секретаря, обратилась к директору с просьбой отпустить ее домой «отлежаться». Рауль Моисеевич про себя чертыхнулся от этой

вечной реакции работающего человека на недомогание – отлежаться или выпить чего-нибудь такого разрекламированного, лишь бы не идти на прием к врачу. Очевидно, менеджер среднего звена или инженер на заводе гораздо лучше разбирается в медицине в целом и в своих соплях в частности, чем врач, которого этому учат несколько лет в институте. Что там дальше? Директор – «она у нас вообще тетка мировая», – разумеется, поддержала ценного работника в стремлении «отлежаться» и отпустила домой. Было это, со слов секретаря, примерно в полдень. А после закрытия музея, часов около восьми вечера, всех подняли по тревоге – были взлом и проникновение в кабинет Мирошкиной. Понаехала полиция, какие-то граждане в штатском, «у нас ведь, знаете, ценнейшие экспонаты хранятся!» – отметила секретарь с придыханием, – начали всех спрашивать, всё узнавать, копировать, распечатывать.

Но экспозиция оказалась не потревожена. Взломали замок только в кабинете Мирошкиной.

– Ой, ужас, – вздыхала девушка, – там, оказалось, все перевернули, сейф вскрыли. Мы стали звонить Мирославе, чтобы она срочно приехала: следователь должен был проверить, всё ли на месте, и, если нет, описать то, что похищено. Но она трубку не взяла. Группа выехала к ней на дом – тоже ничего, представляете?! Дома никого не оказалось. А днем на работе жаловалась, что плохо себя чувствует.

– То есть как «никого не оказалось»? – удивился доктор.

Он помнил, соседка говорила, что как раз в тот день вечером, после вызова скорой помощи, у них было шумно.

– Ну как, никого дома не было. Во всяком случае, никто дверь не открыл.

Мысли у доктора путались. Так. Днем Мирослава отпросилась с работы. Потом вызвала скорую помощь. Вечером, часов в восемь, злоумышленники проникли в помещение музея. Соседка сообщала, что между восемью и девятью часами вечера дома у Мирошкиных было шумно, даже мебель передвигали. А что, если это были те же люди, которые перед этим взломали кабинет Мирославы? При этом все стихло ровно к тому моменту, когда приехала полиция... Руки у Рауля Моисеевича похолодели. В голове стали возникать самые страшные картины.

Вчерашние подозрения усилились, и он решил, что его показание могут быть нужны следствию или для поимки преступников, или для того, чтобы восстановить доброе имя Мирославы, которая в самом деле была больна и отпрашивалась домой неспроста.

– А кто был старшим следственной группы? – спросил он севшим голосом. – Возможно, вам оставили телефон...

– Конечно! – девушка с воодушевлением пошелестела бумагой. – Записывайте: следователь Лесков Виктор Геннадьевич.

И продиктовала его рабочий номер.

Следователь Виктор Геннадьевич Лесков медленно и с чувством тер глаза, отодвинувшись подальше от монитора компьютера. Зевнув, нажал на иконку «Печать». Сразу загудел во всю ивановскую и зашумел принтер, выпуская в свет его опусы. Следователь вздохнул. Адская у него все-таки работа: всю ночь пашешь на выездах, опрашиваешь, ищешь, успокаиваешь, обещаешь, а потом целый день Львом Толстым трудишься – сочиняешь изо всех сил рапорты, справки, отчеты, запросы, описи, постановления... Кто придумал столько бумажек – вот вопрос, мучивший его уже который год с начала службы в органах. Вот сидел какой-то человек, чесал от скуки в затылке и придумывал названия документов. А другой, не менее умный, обкладывал ими и без того трудную работу сотрудников правоохранительных органов во всевозможных инструкциях, рекомендациях, правилах и бюллетенях. А третий человек – тоже, конечно, не менее умный – придумал внести это все в Уголовно-процессуальный кодекс. И теперь, даже если захочешь, не пройдешь мимо: заполнишь, запротоколируешь, упакуешь, отправишь.

Он поежился. Кофейку бы. Одна чашка стопроцентно спасла бы от усталости. Но и тут фигурки. Старшие товарищи по оружию в беспрестанной борьбе с организованной и не очень преступностью выпили за ночь весь запас кофе. В

тумбочке остался только сахар. Лесков достал из сахарницы белый искрящийся кусочек, отправил его в рот и, откинувшись на спинку кресла и забросив руки за голову, вытянул затекшие ноги под столом. Принтер еще минуту-другую будет работать, можно и подремать...

Брякнул рабочий телефон на столе. Кого это принесла нелегкая в такое время? Виктор Геннадьевич открыл один глаз и посмотрел на аппарат как на предателя. Не помогло. Телефон настойчиво тренькнул еще раз. Виктор Геннадьевич тяжело вздохнул, схватил зеленую трубку и недовольно буркнул:

– Лесков у телефона.

– Добрый день, – отозвался спокойный мужской голос, – мне ваш номер дала секретарь директора краеведческого музея, в котором позавчера ночью был взлом. – Лесков вместо ответа молча кивнул, будто собеседник мог это видеть, а на другом конце провода продолжали: – Меня Рауль Моисеевич зовут, я врач скорой помощи. Это я приезжал на вызов к Мирославе Мирошкиной. Она действительно была больна, дочь вызывала бригаду. Я сделал укол, сказал, чем лечиться, и дал рекомендацию показаться терапевту.

Следователь окончательно проснулся, тряхнул головой, героически припоминая, кто такая Мирошкина; через некоторое время события по уголовному делу не спеша выстроились в голове в надлежащей последовательности. Получается, в день ограбления искусствовед Мирошкина, почувство-

вав себя плохо, вернулась домой с работы еще до обеда, после двенадцати часов. Затем ей стало хуже, и ближе к вечеру, около четырех часов, к ней вызвали скорую. Дома с больной оставалась только дочь-подросток. Ближе к восьми вечера, перед тем как смотреть «Вести», соседка слышала из их квартиры шум. Около девяти в квартиру приехала следственная группа, чтобы опросить хозяйку по поводу музейной кражи, но дома никого не было. И, судя по информации от оперативников и участкового, так никто и не появился за эти два дня. Вопрос: что все это значит? Куда могли деться дочь и ее мать?

Надо опросить соседку и этого врача подробнее. Да и квартиру Мирошкиных, похоже, придется вскрывать.

Договорившись о встрече с врачом и забыв про свои распечатанные бумаги, Лесков схватил выдавшую виды куртку и выскочил из кабинета.

Глава 5

Царевна

Почти неделя прошла после разговора с отцом и ее предложения помочь. Катя маялась в неведении. Бродила по дворцу в надежде встретиться с ним или матерью, чтобы узнать, что происходит. Прислушивалась к каждому шороху в глубине бесконечных коридоров – ждала, что отец вызовет ее к себе. Но вечер сменяла ночь, затем наступало утро, тянулся очередной день, а новостей все не было.

Незаметно напряжение спало, разговор с отцом для нее отошел на второй план, а сама Катя увлеклась другими проблемами.

Во-первых, к большому ее изумлению, разговор с волхвом Митром не прошел впустую. Он перестал мучить ее заучиванием древних текстов, ограничиваясь теперь лишь общим ознакомлением с трудами великих мыслителей прошлого и разбором отдельных, ключевых, по его мнению, фрагментов. Основное же время он уделял современным делам, в подробностях и красках рассказывая, «кто, с кем и против кого дружит».

«Вот бы сразу так», – думала она, округлив глаза, когда на уроке волхв в очередной раз предложил ей подумать над задачками.

В условии: государство А, государство Б и их пересекающиеся интересы по транспортному пути. К этому добавляется энергетический кризис как осложняющее решение проблемы обстоятельство. Ресурсы и физические возможности в связке с геополитикой и отношениями с соседями. Кажется, все просто. Ага, есть решение! Катя предложила отличный вариант. Только волхв притворно вздыхает и тычет ей в нос то, мимо чего она пробежала, – а это тяжелая болезнь правителя и женитьба его конкурента на влиятельной особе из соседнего царства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.